

Апрель 1927 года

Цена 15 центов

PROBUZHOENIE



РОВОЗНОНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО НОМЕРА

О наших задачах	ПЕРЕДОВАЯ
Памяти А. А. Карелина	А. СОЛОНОВИЧ.
Из воспоминаний об А. А. Карелине	И. ХАРХАРДИН.
Право и нравственность	Е. ДОЛИНИН.
Stella Maris (стихотворение)	Р. Э.
Дни радости	А. БЕЛКИН.
Очерки по истории музыки	Д. АЛЕКСАНДРОВ.
Рабиндранат Тагор	З. ВЕНГЕРОВА.
Роза страдания (сказка)	Е. ГРАДИНА.
Современные американские писатели	ДОРОТЕЯ РАНСОМ.
Загадки жизни	Проф. ГРИВС.



Рос 4-4
7-105 12022

Пробуждение

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

64-193

ИЗДАНИЕ РУССКИХ ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИ-
НЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 1.

АПРЕЛЬ, 1927.

О НАШИХ ЗАДАЧАХ

Вместе с ростом духовного развития русской колонии в Америке как в целом, так в особенности среди организованной ее части, появляется сознание ответственности и общественного долга в отношении судеб русского народа в России и нас, миллионы русских эмигрантов — рабочих, крестьян и интеллигенции — вольных или невольных скитальцев, рассеянных по всему земному шару и, вместе со всей Россией, переживающих великую русскую драму.

Каждого русского прежде всего гложет неотвязная мысль — долго-ли продолятся муки России, когда окончатся ее испытания.

Ни Россия, ни русская эмиграция не приемлют большевизма. Россия, несмотря на постигшие ее египетские казни, преодолевает и изживает страшную большевинскую язву. Большевизм проявляет явные признаки разложения и издыхает.

Ликвидация большевизма теперь лишь вопрос времени. И естественно возникает ряд вопросов — каковы должны быть задачи русской эмиграции за-границей те-

перь, в период до-большевической ликвидации и каковыми они должны быть после этой ликвидации.

От правильного понимания этих задач и от подготовительной работы, которая может быть проделана в до-ликвидационный период, а не только от одних общественных настроений и обстановки в момент самой ликвидации, в значительной степени будет зависеть ход событий, последующих вслед за исчезновением большевизма в России.

Вот почему в нынешний тяжкий час голос совести и долга призывает нас, желающих оздоровления и благоденствия нашей родины, не только вести решительную борьбу с демоническими силами большевизма, во власти которого задыхается Россия и смертоносный яд которого чувствуется за ее пределами, но и уяснить себе и осмыслить многие социальные проблемы и факторы, с которыми придется столкнуться после падения большевизма.

Наша задача двоякая: собирательно-организационного и воспитательно-просветительного порядка. Вокруг "Пробу-

ждения“ мы хотим сплотить ту часть русской эмиграции, которая отеклась от прошлого — монархизма и не приемлет настоящего — большевизма, порожденного до некоторой степени этим прошлым; хотим видеть среди нас прежде всего людей честных и добросовестных, ищущих, как и мы, правды и справедливости на земле, враждебных всякой тирании и порабощению.

Мы не являемся поклонниками трескучих фраз и не верим в их чудодейственные свойства. Мы не намерены уподобляться различным политическим клоунам и шарлатанам, и брать на себя миссию вызывателей стихийных духов хаоса и смерти. Мы не верим в то, что можно повелевать стихиям и вызывать их громы и молнии по нашему капризу. Еще больше сомневаемся в творческой способности стихийных сил, неизбежно оставляющих следы самого страшного разрушения и беспорядка.

Современное поколение может создать только такое общественное устройство, к которому оно окажется в данный момент психологически и практически подготовленным. Невежественный человек, например, останется таковым всегда, при любом общественном порядке, если он не будет предпринимать никаких мер к освобождению себя от невежественности. И общество в целом, незнакомое с идеалами более совершенного общественного устройства, а, следовательно, чуждое им, при всяких переворотах и революциях останется тем, чем оно есть, т. е. психологически готовым подчиниться той или иной форме политической тирании.

**

Мы — свободники.

Мы мыслим общественное устройство свободным, покоящимся не на произвольной воле законодателя, а на добровольном соглашении всех входящих в него людей.

Свободное общественное устройство без правителей и управляемых, без экономической эксплуатации, без смертной казни, тюрем и ссылок — таков наш обще-

ственный идеал.

Здесь, однако, должно оговориться, что достижение этого идеального общественного порядка ни в коем случае не может быть поставлено в связь с насильственным его навязыванием на большевистский манер. Насилие, хотя бы и ради высокого и благородного идеала, только осверняет и извращает его.

Свободное общество не родится само по себе, но явится одним из достижений человечества только в результате его общих усилий и борьбы, но эта борьба не должна принимать зоологических зверских форм, а носить гуманный жертвенный характер.

Насилие может быть терпимо лишь как средство самозащиты против жестоких и безсердечных насильников, но оно отнюдь не может быть средством достижения свободы.

Меч и кулак должны уступить место убеждению и доказательству очевидной возможности, практичности и превосходства идеала свободного общественного устройства над всеми иными социально-политическими формами общежития.

**

Социальная революция многих прельщает своей молниеносностью. Сторонникам социальной катастрофы она представляется своеобразным страшным судом, напоминающим христианские ожидания второго пришествия Христова.

В самом деле, есть что то заманчивое в идее моментального общественного переустройства и превращения людей из несовершенных в совершенные и добрые существа. И все это совершается так легко, просто, по одному гласу трубному, сиречь одним дуновением социальной революции...

В общественной жизни людей, подверженной известным законам эволюционного развития, чудеса очень редки. Общество в целом тогда только прогрессирует и поднимается на высшую ступень, когда в нем накапливается достаточно энергии, опы-

та и сил, чтобы сделать шаг вперед от данной формы общежития к высшей, более совершенной. Социальная же революция в лучшем случае является лишь одной из крайних форм стихийного протеста, который в известных случаях может быть и неизбежен, но в то же самое время не может быть, как правило, признан созидательным процессом. В силу своей стихийности, а, следовательно, случайности, социальная революция может таить в себе в одно и то же время розы свободы и шипы деспотизма и реакции.

На всех бывших в прошлом революциях лежит какая то роковая печать неудачливости. Почти все они не оправдывали возлагавшихся на них надежд, а русская революция, ввергшая страну в какую то дикую татарщину, являет собой разительный пример тому, каковы могут быть последствия социального бунта, стихийно разразившегося в стране культурно отсталой, политически незрелой, и поэтому подпавшей под власть политических фразеров и демагогов.

**

Мы против всякого руководства кем бы то ни было и во имя чего бы то ни было. Руководство с нашей точки зрения допустимо лишь в отношении самого себя. Руководить только можно людьми отсталыми и темными; мы же желаем видеть каждого человека самостоятельно мыслящим, имеющим свое собственное суждение и ориентирующимся в проблемах жизни с помощью собственного ума, а не чьих либо указаний. Руководить желают только политики, стремящиеся подписывать правила поведения другим. Все это мы решительным образом отвергаем и осуждаем.

Мы хотим не руководить, а будить спящих, открывать глаза невидящим, призывать к активности бездействующих, убеждать сомневающихся в правоте и благодостое нашего идеала.

Если же нам не поверят и отвергнут нас, мы не станем со скрежетом зубным хулить неприемлющих нас. Возможно, что мы сами окажемся плохими учителями.

Возможно, что семя нашего учения попадет на "каменистую почву." Но сеятель все таки может надеяться на некоторые плоды. А плоды эти будут тем обильнее, чем больше вложим усилий в начатое нами дело.

**

Издание этого журнала не частно-предпринимательское, а общественное дело, созданное для того, чтобы в нынешнее лихолетье и русское рассеяние, помимо нашей главной задачи пробуждения у людей исканий идеалов правды, добра, красоты и свободной жизни, — собрать вокруг "Пробуждения" наши русские (а если возможно, то и иностранные) таланты: ученых, просветителей, мыслителей, писателей, публицистов и просто людей, способных высказать наболевшие и накопившие у них на душе думы и мнения, и поделиться своим культурным достоянием с людьми менее одаренными, но ищущими знаний, света, правды и вольной жизни.

Не являясь политиками, мы, разумеется, не станем прельщать наших читателей ни соблазнительными обещаниями, ни громкими фразами, ибо слова, не подтвержденные делами, не заслуживают серьезного внимания.

Свободное общественное устройство на основе добровольного соглашения, без всякой принудительной власти, сторонниками которого мы являемся, может вырасти из недр современного несовершенного общества лишь в результате совокупного взаимодействия различных социально - общественных сил, из коих главными следует признать — создание общественного настроения в пользу этого идеала и развитие максимальной самостоятельности в этом направлении со стороны лиц, стремящихся к его осуществлению. Революции же, в эволюционном процессе от несовершенного к более совершенному, иногда и неизбежные, являются, на наш взгляд, не главными, а привходящим обстоятельством.

И мы решительно отмежевываемся от тех псевдо-революционеров, которые, по обезьяньи, не считаясь ни с обществен-

ными условиями, ни с настроениями момента, повторяют неосмысленные ими революционные фразы и лозунги, только отталкивающие от всякого общественного начинания растерянного и напуганного последствиями русской революции русского колониста.

Не разделяем мы ни на иоту ставших теперь модными увлечений различными программами, или вернее попытками некоторых неугомонных и увлекающихся гололов начертать нам "безвластнические" законы и правила общего поведения. Не касаясь в данный момент существа этого странного и своеобразного "законодательства", приходится с грустью констатировать тот факт, что соблазна писать законы для других не могли избежать и некоторые сторонники крайних учений, отрицательно относящиеся к парламентаризму вообще, поскольку таковой очевидно может затрагивать их лично; в отношении же других эти антипарламентаристы готовы разыгрывать роль кустарных законодателей и писать примитивные и неграмотные в юридическом смысле программки и платформы.

**

В заключение несколько слов о том—каким мы хотели бы видеть "Пробуждение". В нашу задачу прежде всего входит создание серьезного органа печати, не однооб-

разного, окрашенного каким либо специфическим цветом, а разностороннего, который мог бы удовлетворить различным запросам и интересам широких читательских кругов в научном, просветительном, литературном, религиозном, общественно - политическом, эстетическом и других отношениях.

Мы будем рады видеть в числе наших сотрудников представителей русской мысли, культуры, науки и искусства безотносительно их политических взглядов и убеждений. Все талантливое, оригинальное и достойное общественного внимания, найдется доступ на страницах "Пробуждения."

Журнал состоит из различных отделов по вопросам науки, искусства, литературы и т. п. По мере надобности и в соответствии с потребностями читателя будут вводиться другие отделы. В отношении расширения журнала и введения новых отделов мы рассчитываем на тесное кооперирование между журналом и читателями.

Мы сознаем, что только в результате этого кооперирования, разумного критизма, указания на недостатки издания, моральной и материальной поддержки наших единомышленников, "Пробуждение" сможет стать на должную высоту и успешно работать над выполнением поставленных себе задач общественно - культурного порядка.

мр.

К 1-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ КАРЕЛИНА

ПАМЯТИ А. А. КАРЕЛИНА

20 марта 1926 года скончался от кровоизлияния в мозг один из старейших русских революционеров-анархистов — Аполлон Андреевич Карелин.

Его первый арест произошел в марте 1881 года, когда ему было 18 лет и с тех

пор вся его жизнь представляла из себя цепь непрерывных гонений со стороны русского правительства. “Опять этот Карелин попался”, сказал Александр III, когда ему доложили об одном из очередных арестов Карелина.



Аполлон Андреевич Карелин (1864 — 1926).

Тюрьма и ссылка, ссылка и тюрьма сменяются в его жизни, по выражению Бьернбюнда (“Бранд” — “Русский революционер”), как “ночь сменяет день”, вплоть до момента, когда он, спасаясь от виселицы, бежит в 1905 году за границу и поселяет-

ся в Париже. Только революция 17-го года дала ему возможность вновь вернуться в Россию, но и в эмиграции, и, впоследствии, в России, он все так же непреклонно ведет борьбу за идеалы анархического коммунизма.

Вся деятельность Карелина органически связана с историей русского освободительного движения и в нем он представляет то коренное русское, что поднимаясь до горизонтов мирового освобождения, роднит его с такими титанами, как Бакунин, Толстой и Кропоткин.

Роковая судьба русского народа была в том, что те, кто являлся подлинными носителями идеалов страны, истинными выразителями духа ее народа, силою условий ее исторического развития отбрасывались от ее жизни и уходили на арену общечеловеческого творчества, унося вместе с тем и те конкретные возможности, которые позволили бы им воздействовать и на общественное строительство родной страны. А вместо них приходили в Россию иностранные завоеватели — сперва в форме диких орд кочевников, а затем в виде германских влияний, начиная от немецких династий вплоть до немецкого социализма, глубоко чуждого подлинно русской народной самобытности.

Неоднократно Карелин подчеркивал, что он — русский, что ему дорога и близка русская культура... Он полагал, что общечеловеческое должно вырастать из народной души органически, что в семью народов земного шара все народы должны войти, как братья, каждый со своими особенностями и характером. Он полагал, что интернационализм, понятый в его глубоком значении, несколько не противоречит этому, но служит лишь увенчанием братского союза народов и всю свою жизнь, все силы своей могучей и прекрасной индивидуальности он отдал на служение народным массам и прежде всего массам России.

“Я и общество — едины”, пишет он (“Буревестник” № 23, 9-ХП.1917 г. “Ответ анархисту - индивидуалисту”) “хотя, конечно, я противопоставляю себя обществу, в которое ворвалась и которым правит принудительная власть.

Народ, это — “род на род”, а в число членов одного из этих родов вхожу и я. Всякая хула на народ, это — жалкое, бледное, бессильное, несмотря на звон ядовитых фраз, самооправдание грабителя —

скупца, не желающего отдать народу, многим родам все то, что этот народ позволил взять у себя. Дело не только в том, что я пользуюсь продуктами народного труда, что все меня окружающие предметы потребления сделаны трудом народа. Дело в более важном. Все, что я могу помыслить, сказать, сделать, все это, — в свете сияния высшего знания — правды, все это — не мое, все это слабый отблеск отблеском блестящей народной, коллективной, человеческой мысли.

Как Антей, задышавшийся в тисках железных лап Геракла, я — бессилье, задышающееся в пошлости субъективизма и моего маленького “я”. Но если я, как Антей, коснусь земли, (а земля и народ у нас — русских — иной раз синонимы, ибо “встанет земля”, значит “встанет народ”), в этом случае я — титан, которому не надо взбрасывать Пелион на Оссу для того, чтобы пойти войной на Олимп. Я и Пелион и Оссу смогу тогда, опираясь на народ, бросить на сонмище пирующих на маленьком Олимпе маленьких богов. Брошу их в пусто горделивых насильников, в жалких, слабых индивидуумов, в парах хмельной амброзии горделивого помешательства, нашедших себе оправдание и точку опоры.

И сбросят с зеленых тронов, брошенные мной и народом громады, всех врагов народа, как тех, кто угнетает и эксплуатирует его, так и тех, кто ругает и презирает его.”

Личность и общество — две стороны одного и того же явления, растущие одновременно в органическом взаимодействии. Но властнические институты государства впадают в спокойное развитие народа и вносятся в него разложение и гибель. Подобно язве на теле, власть коверкает здоровый организм и вызывает в нем злокачественные опухоли и нарывы... Заболевает общество, заболевает личность и создается сумасшедший дом, знающий только насилие, губящий в зародыше все великое и прекрасное, что может расцвести только под сияющим солнцем свободы.

“Без свободы”, говорил он, “только ночные хищники — гвены и шакалы, роются

среди трупов во тьме насилия."

"Государство", пишет он, "это - антагонистическое ... общество живущих на какой-либо территории людей, часть которых — правители — обладают самостоятельно принудительной властью, а другая часть — подвластные — не имеют ее. В этом обществе правители принимают те или иные решения, заставляя подвластных угрозами насилий и мучений подчиняться таким решениям и мучают или приказывают мучить неповинующихся.

Государство, это известным образом для целей эксплуатации и угнетения прекрасно организованные люди, угнетающие и эксплуатирующие плохо организованных трудящихся людей." ("Государство и анархия". М. 1918 г.)

В своем анархизме Карелин остался на всю жизнь верен заветам Бакунинского народничества 70-х годов и в этом отношении пошел так далеко, что как бы совершенно слился с народной массой, создав богатую анархическую литературу - безмянную, написанную простым народным слогом, понятную для тех широких народных масс, которым даже слог Кропоткина не посилен своей сложностью. Громадное, оставшееся после него наследство, приходится теперь собирать с большим трудом, ибо он почти никогда не подписывался своей фамилией, но или бесчисленными псевдонимами, или оставлял их без всякой подписи. Когда, однажды, Кропоткин стал ему указывать на прекрасно поставленный анархический ежемесячник в Нью Йорке — "Голос Труда", он не знал, что этот журнал редактировался из Парижа Карелиным с 1911 по 1914 год и что за это время в 24-х номерах его было помещено около 150 статей Карелина. Так же обстоит дело и во всех остальных случаях.

И народ понимал его ... За время его пребывания в России после эмиграции, он успел связаться с анархистами чуть ли всей страны... К нему шли и старый и малый, крестьянин и рабочий, так же как профессор или агитатор и каждый уходил удовлетворенным.

Он вел колоссальную переписку, доходившую до 30 писем в день и ни одного письма он не оставил без ответа, несмотря на то, что у него не было личных секретарей и сам он был тяжело болен. Благодаря ему по России распространялась в громадных количествах анархическая литература и миллионы ее экземпляров сделали свое дело, может быть большее, чем это могли сделать все анархические митинги за все время революции.

Вот как характеризует его Бьерклюд в уже цитированной статье: "... Практик и теоретик. Борец и мыслитель. Человек, который по своим действиям, по своей воле и уменью, стоит головой выше толпы. Высокого роста, мощный широкоплечий человек.

На первый взгляд он кажется старым викингом и богатырем. Да, он воин и есть, он сделался врагом неправды, притеснения и угнетения за время своей богатой жизни и долгой жизни. С первого момента перед нами чувствуется знаток жизни и людей. В нем виден один из тех сильных, которые, не колеблясь, следовали изречению Ницше: "Где стояшь, копай лопатой. Не придавая значения крику пессимистов, что найдешь ад."

"... Аполлон Андреевич Карелин имеет свой способ говорить о революции. Вообще он не говорит много. Напротив, он много и интенсивно работает. Он — истинный работник революции. Никем другим он не хочет быть и он делает свое дело основательно. Он не из тех, кого случайно выносят на занимаемый пост волны революции. Нет! Он бескорыстно и, не жалея себя, служил революции и работал для нее с юных лет.

А. А. Карелин — один из самых ярких и самых лучших социалистов этого переворота."

"... Он никогда" продолжает Бьерклюд, (писано в 1918 г.), "не переставал быть революционером - практиком. Он никогда не отказывался от ответственной и важной работы в секретариатах и собраниях. Карелин — не теоретик белоручка, боящийся практических вопросов.

В его лице объединены практический ре-

волюционер и мудрый теоретик. Он умеет точно выражаться и все его понимают.

Значение Карелина в русской революции нельзя оценить в достаточной степени.

В жизни Карелина было много романтического. Он был когда то богат, как Крез и в другое время беден, как Лазарь. Он вращался в самых разнообразных обществах. Род Карелиных находится в свойстве с Лермонтовыми.

Добавим, что умер Карелин совершенным бедняком, но последней его подписью, сделанной накануне смерти, когда его рукой водил один из товарищей, была подпись пожертвования на "Черный Крест."

Всю жизнь свою, силу и знание он отдал народу.

Он обладал колоссальной эрудицией и почти не было вопроса, в котором бы он не мог разобраться, касалось ли это русской крестьянской общины и быта русской деревни, или относилось к вопросам философии, истории культуры, физики или, даже медицины.

Его специальностью была политическая экономия и после него остался громадный трех-томный курс политической экономии, который ему не удалось напечатать при жизни.

Поразжало его знание жизни и людей, его умение правильно ориентироваться во всяких обстоятельствах, его способность находить верные пути, как в общественной, так и в личной жизни.

Поэтому к нему обращались за разрешением вопросов о том, как быть с хозяйством, когда пала единственная корова у крестьянина и тот ждал ответа от А. А., какой тактики держаться по отношению к той или другой мере большевиков, к нему же обращались и с вопросом о женитбе, о способе ведения защиты в данном уголовном процессе, одним словом, несмотря на то, что он был представителем современной городской культуры, он в то же время соединял в себе и глубокую патриархальность русской деревни, энергию молодости самой передовой культуры и мудрость тысячелетней старости вековых воспоминаний и бы-

та.

Живя в ссылке на севере, он близко сошелся с представителями русского сектанства, в частности с теми, которые принадлежали к "Поморскому согласью" и, не только прослыл в некоторых из их кругов чуть не начетчиком, но и сумел найти у них своеобразные формы общности — чисто анархические, которые дали ему ключ к разрешению ряда социальных проблем.

Сюда относится само "согласие", как единственная возможная форма юридического лица в анархическом праве — текучем и живом.

Когда, вскоре после рождения А. А., семья Карелиных переехала из Петербурга в Нижний-Новгород, они поселились в доме, который раньше принадлежал Николаю Гавриловичу Чернышевскому. Книжки, которые читал Карелин, когда ему было 18 лет, были изданиями русских эмигрантов — журналы "Вперед", "Набат", брошюры: "Хитрая механика", "Храбрый воин", "Сказка-копейка" и др. произведения народников.

Основная проблема Лаврова и Михайловского — проблема личности и общества, решалась им как проблема существенная моральная и здесь он имел свою особую точку зрения, которая не отрывала его от народных масс, как все же подчас это бывало у интеллигентов - народников, но наоборот, органически связывала, как бы с самой почвой народного духа.

Не все, что он считал правильным, смог он выразить в своих печатных трудах, часть осталась в рукописях, а еще большая и несравненно важнейшая развигрывалась им в устных беседах с друзьями и здесь раскрывалась сокровищница его глубоких знаний и колоссального опыта. Многие из тех, кто бывал у него и мог воспринимать длительное воздействие его бесед, часто совершенно перевоспитывались и делались другими людьми.

Когда он жил в эмиграции, в Париже, неустанная работа кипела вокруг него и, как Россия, так и Америка испытывали ее влияние, ибо типография организованной Карелиным "Федерации Вольных Общинников"

выпускала массу анархической литературы, переправляемой через границы.

И здесь он устраивает у себя нечто вроде семинариев, где учатся десятки товарищей, где воспитывается их революционная стойкость и умение. Вообще надо заметить, что одним из свойств А. А. было его удивительное умение находить работу, которую он вел всегда так, что как бы какой то свет от нее оставался в массах, какой то проблеск в возможный справедливый строй общества и притом так, что отдельные ли-

ца сами загорались желанием работы, а не только увлекались мечтами о прекрасном и недостижимом. Он зажигал всех с жем стлался священным огнем борьбы за свободу, тем огнем, который так ярко пылал в нем самом и который в конце концов и сжег его самого.

Когда он слышал о какой нибудь несправедливости, его охватывало негодование и он сейчас же ставил вопрос о возможных конкретных формах борьбы против этой несправедливости и о помощи жертвам ее.



В ПЕРВОМ ДОМЕ СОВЕТОВ.

Здесь для него не было никаких разделений и он помогал всем, кому мог, хотя бы за теми, кому он собирался помочь, числились какие угодно проступки.

Между прочим в Сибири, живя в Иркутске, он берет на себя защиту уголовных и приобретает себе громадную популярность, веда иногда до 20 дел на день. Если он получал за защиту гонорар, он отдавал его целиком подзащитным, чтобы дать им возможность оправиться и начать новую жизнь. Он никогда никому не отказывал в помощи

и потому, сын богатых родителей, сам — всю жизнь прожил бедняком, урезывая свои потребности до крайности и это несмотря на то, что он знал, что такое жизнь в свое удовольствие и умел сам жить широко.

Он дарил от своего духовного богатства, от изобилия своих духовных даров, а не от готовности дарить, происходящей от собственной бедности и потому то, что он давал всегда было драгоценно. Он давал подлинные ценности, а не то, что ему было ненужно — с величием и спокойной радостью он

отдавал самого себя.

С внешней стороны его жизнь представляла из себя тяжелый жертвенный путь, полный лишений и скорби, но для тех, кто его знал, раскрывался в нем источник подлинной духовной красоты — беспрдельно могучей и бесконечно доброй. Мы все, знавшие его в последние годы его жизни, все, без исключения храним в себе неизгладимое обаяние его образа и для многих, многих из

нас встреча с Карелиным была переломной точкой на стезях жизни, ибо в его присутствии разбивалась вдребезги соблазнительная мишура жизни, в огне его речей очищались сердца и только подлинно человеческое в его идеальном образе вставало перед нами, как призыв к борьбе за добро, за свободу и счастье истерзанного, поруганного человечества.

А. А. СОЛОНОВИЧ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ А. А. КАРЕЛИНЕ

(Речь на вечере памяти А. А. Карелина 11 мая 1926 г.)

Есть старая латинская пословица: «о мертвых говорят или хорошо, или ничего не говорят.» Но есть люди, о которых вообще можно говорить только хорошо. Аполлон Андреевич Карелин, несомненно, принадлежал к типу таких людей. Это, конечно, не значит, что у него не было никаких слабостей, никаких недостатков. Нет. Он был человек, и ничто человеческое не было ему чуждо. Но слабости и недостатки А. А. были так незначительны, что они совершенно стираются и не встают в памяти, когда вызываешь перед собой образ А. А.

Имя Карелина я услышал впервые в 1916-м году, когда на собрании Московской Организации Анархистов - Синдикалистов один из наших товарищей сообщил полученное им от Карелина письмо. Содержание его я теперь уже не помню. Второй раз я услышал о Карелине в связи с его приездом в 1917 г. в Россию. Все, что нам тогда было о нем известно, сводилось к тому, что А. А. — старый революционер, живущий в эмиграции и пришедший к анархизму через эсеровство. Знали мы также, что, живя в Париже, он фактически руководил анархической газетой «Голос Труда», издававшейся в Америке. Наконец, в 1917 году нам было известно, что он принимает деятельное участие в анархической работе в Петербурге и состоит редактором анархических периодических органов.

Дальнейшие мои воспоминания об Аполлоне Андреевиче связаны уже с личным знакомством с ним. В 1918 году он, в связи

с перенесением столицы, переезжает из Петербурга в Москву и вместе с А. Ю. Ге, Р. З. Эрмандом и некоторыми другими анархистами организует Всероссийскую Федерацию Анархистов и Анархистов - Коммунистов, а также редактирует ежедневную газету «Свободная Коммуна.» В апреле 1918 года Лефортовская Районная Организация Анархистов, членом которой я тогда состоял, наметила устроить ряд лекций в Лефортовско - Благущинском районе, чтобы ознакомить рабочих с основными идеями анархизма. В числе лекторов был приглашен и А. А., причем, исходя из того, что нам было известно об А. А., мы решили просить его прочесть лекцию первым. В связи с устройством этой лекции мне и пришлось познакомиться с А. А.. Тогда, как, впрочем, и все последующее время, жил он в Первом Доме Советов, занимая небольшую комнату. Мне навсегда запомнится эта комната, почти сплошь заваленная анархической литературой. Комната производила впечатление склада книг, в лучшем случае, квартиры студента, а не жилища крупного общественного работника и ученого. Помню первое впечатление, которое произвел А. А. на меня. Прежде всего бросилась в глаза массивность его фигуры. Не знаю, как другим, но мне всегда казалось, что в его фигуре есть что то общее с Бакуниным. Думается, что это впечатление общности вытекало из того, что и от фигуры Бакунина, как он представлен на портретах, и от фигуры Карелина веяло какой-то стихийной

мощностью. Белая окладистая борода делала А. А. похожим на библейских патриархов. Фотографические снимки, сделанные незадолго до смерти, довольно верно передают его внешность. Особенно хорош был его взгляд. В нем оригинально сочетались приветливость, мягкость и пытливость. Казалось, он с первых же минут знакомства хотел сразу понять душу своего посетителя.

А посетителей у него было много. В этом мне пришлось убедиться, когда, начиная с 1918-го года мне пришлось работать с ним совместно, как члену Секретариата Федерации. Приходя к нему, я нередко заставлял в его маленькой комнате в приемные часы по несколько человек одновременно. Контингент посетителей был необычайно разнообразен. К нему приходили и профессора, и политические и общественные работники разных направлений, и служащие, и застенчивые студенты, и рабочие, и крестьяне. Последние прямо-таки благовели перед ним, потому что редко кто мог так просто, ласково и понятно беседовать с ними, как Карелин. Многие приходили к нему с каким-либо интересовавшим их вопросом, а многие — особенно приезжавшие из провинции анархисты, — чтобы узнать о его здоровье. Так продолжалось до конца 1923 года, когда А. А. нельзя уже было безнаказанно растрчивать свои силы и много и долго работать.

А работать Аполлон Андреевич и любил, и умел. Помню, что в 1921 году, когда, в связи с его отъездом в санаторию, мне пришлось принять от него переписку по Секретариату Федерации, я поразился, как мог он справляться с такой громадной корреспонденцией. В то время в адрес Секретариата приходило до 20, а иногда и 30-ти писем ежедневно. Переписку вел один Карелин. И, несмотря на это, у него никогда не накапливалось залежей неисполненной корреспонденции. Всем корреспондентам он, как правило, отвечал в тот же день, как получено письмо. Характерная особенность писем А. А. — их краткость и ясность. Он терпеть не мог размазывания. Интересно отметить, что адресанты обращались к не-

му с самыми различными вопросами. Помню одно письмо, в котором какой-то крестьянин спрашивал, можно ли ему, анархисту, жениться с исполнением церковного обряда. В другом его извещали о падеже коровы и тяжелом житье-бытье русского крестьянина. В третьем — спрашивали, что читать по анархизму, как организовать группу анархистов, что сейчас делать, можно ли быть анархисту верующим и так далее. Всех вопросов, жалоб и излияний, с которыми обращались к А. А. его корреспонденты, не перечислить.

Представляя из себя крупного ученого, знатока политической экономии и истории, он все свое внимание сосредоточил не на дальнейшей разработке научных проблем, а на популяризации уже добытых результатов. Это особенно заметно по его работе в последнее десятилетие его жизни. Как популяризатор он стоит очень высоко. Возьмите такие его работы, как "Что такое анархия?", "Как русские крестьяне землю и волю добывали", популярный курс политической экономии, и вы увидите, каким простым, понятным даже малограмотному человеку, языком, они написаны. По простоте и мастерству изложения Карелин может быть поставлен наряду только с Кропоткиным. Помню, что после лекции А. А. об анархизме, устроенной Лефортовской Районной Организацией Анархистов в помещении Введенского Народного Дома, один рабочий сказал: "Вот здорово говорит-то! Как сказку рассказывает. Все понятно, как на ладони лежит. Не то, что другие болтуны, которые будто нарочно говорят так, чтобы их не поняли."

В своих крупных научных трудах А. А. выступает, как незаурядный систематизатор. Образцом таких его работ служит опубликованное в 90-х годах исследование об общинном землевладении в России и еще неопубликованная, известная мне в некоторых частях по оригиналу, большая работа по политической экономии размером около сотни печатных листов. Для первой из названных работ в десяток печатных листов он использовал почти всю имевшуюся в то

время русскую литературу по этому вопросу.

Эрудиция Карелина в области социальных вопросов поистине необычайна. Приобретению обширной начитанности способствовало умение читать. Читал он поразительно быстро. Помню такой случай. Однажды у нас как то случайно зашел разговор об умении читать. А. А. спросил, как быстро я читаю.

—Беллетристику от 60 до 80 страниц в час, — ответил я и полюбопытствовал, как быстро читает он.

—Ну, а как вы думаете? — спросил он меня.

—Вероятно, быстрее меня, — ответил я, затрудняясь назвать приблизительно - подходящую цифру.

Тогда, видя мое затруднение, он взял со стола две книги.

—За сколько времени прочел я их? — спрашивает он. —Как вы думаете?

Я посмотрел, что это за книги. Оказалось, это — несколько романов Диккенса в Сойкинском издании, переплетенных в два компактных тома. В обоих томах было свыше 1.600 страниц убористого шрифта. Я высказал предположение, что они были прочтены в два-три дня.

—Ну, нет! — заявил он, удовлетворенно ухмыляясь в свою бороду. Я прочитал их в течение сегодняшнего дня.

Разговор происходил часов в 6-7 вечера и я решил, что А. А. начал читать эти книги еще до рассвета. Оказалось же, что он прочел их за 7-8 часов. Выходит, что в час он прочитывал от 200 до 250 страниц. Я удивился такой быстроте самым искренним образом.

—Повидимому, — заявил я, — вы читаете только отдельные места книги, а не все подряд.

— Все подряд, — подтвердил он. И, видя мое полнейшее недоумение, он предложил: —Хотите? — можете проверить. Разверните любую книгу на любой странице; скажите, о чем там идет речь, а я скажу, что пишет Диккенс дальше.

После такого заявления мне оставалось только сдаться и признать, что, повидимому,

такая быстрота в чтении возможна.

—Как же вы читаете так быстро и как вы этого достигли? — спросил я.

И он объяснил, что при чтении он одновременно воспринимает три строчки подряд, тогда как другие запечатлевают сразу несколько слов или же одну строчку. Далее он рассказал, что его отец — художник — придавал очень большое значение зрительному восприятию, точности и скорости этого восприятия. Когда А. А. был еще подростком, отец, совершая с ним прогулки,ставлял его, бросив один взгляд на витрину магазинов, мимо которых они проходили, рассказывать затем, какие предметы выставлены на витрине, их число и порядок расположения. Попад же 18-ти лет в тюрьму, А. А. применил потом с успехом этот метод, чтобы достигнуть возможно-максимальной быстроты при чтении.

Не менее изумительной была у А. А. память. В период 1921 и 1922 годов Секретариат ВФАК располагал примерно тысячей адресов в различных местах России. Благодаря голоду и лишениям другого рода, люди очень часто передвигались с одного места на другое. Изменения в адресах отдельных лиц, связанных с Федерацией, были нередким явлением. И, несмотря на это, Карелин почти всегда мог на память назвать имя, отчество того или иного анархиста и его адрес.

Будучи большим эрудитом, А. А. не любил людей - всезнаек и людей, решающих вопрос с налета. При разрешении того или иного вопроса он требовал вдумчивости и всестороннего рассмотрения. В этом отношении он был особенно требователен, когда ему приходилось иметь дело с близкими ему людьми. Эти требования нередко сказывались в выступлениях А. А. на заседаниях Секретариата Федерации, где по поводу того или иного скоропалительного решения он высказывал мягкое, несколько не грубое, недовольство. Недовольство его почти всегда было таково, что в нем не было ни на поту властнического тона.

Вспоминаются мне заседания Секретариата в 1918-1919 и 1921-1923 годах. Про-

исходили они тогда в большинстве случаев на его квартире. Облокотившись на ручки кресла и откинув несколько назад голову, он сидел за своим небольшим письменным столом, внимательно прислушиваясь к речи говорившего Секретаря. Внимательно слушая всех, он как бы взвешивал все доводы выступавших и выбирал из речей то, что могло быть без ущерба для дела и мнений отдельных Секретарей принято, как единогласное решение Секретариата. Решения по большинству голосов он не долюбивал. И это стремление к единогласному решению, к достижению общей добровольной согласо-

ванности составляло одну из наиболее заметных черт А. А., как Секретаря Федерации. Все резолюции Секретариата он пытался свести к простым и ясным, лаконичным положениям, не допускающим никаких кривотолков.

Вообще простота и лаконичность составляют характерную черту интеллектуального склада Карелина. Не даром М. Горький в одной из своих автобиографических книг, кажется, в той, которая известна под названием "Мои университеты," называет А. А. автором самой короткой и убедительной прокламации в мире. Это та прокламация,



Вынос тела А. А. Карелина из Кропоткинского Музея в Москве.

которая была расклеена А. А. на улицах Нижнего - Новгорода, после царевубийства в 1881 г. и которая заключалась всего в двух словах: "Долой самодержавие!"

Безграничная терпимость к взглядам других, его простота, четкость в решении практических вопросов, громадный практический опыт и умение нащупать ту грань, за которой обрывается возможность совместной

практической работы, сделали А. А. одним из наиболее крупных организаторов анархического движения в России. Надо сказать правду: мы, анархисты, очень мало склонны к организации и весьма трудно поддаемся организующему влиянию даже очень крупных личностей. И, тем не менее, Карелину удалось преодолеть эти серьезные пре-

(Окончание на 48 странице)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Е. ДОЛИНИН.

ПРАВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Нп один русский писатель не понял так изумительно русскую душу, как понял ее Достоевский. Только ему, пожалуй, удалось проникнуть в эту великую таинственную душу и заглянуть в ее бездонные и страшные глубины. В этой душе увидел он и царство тьмы, и царство вечного немеркнувшего света. Эта душа является как бы прообразом того изначального "древнего хаоса", который был так близок и понятен Тютчеву. Увидел он падения и возвышения этой души, ее убожество и гордое величие. И не случайно, очевидно, Митя Карамазов говорит Алеше, что "человек широк, даже слишком широк, и он бы его с'узил." "Перенести я притом не могу, — говорит он брату, — что иной, vyšший даже сердцем человек и с умом высоким, начинается с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским." 1)

Вот в этой то широте безграничной, в этих трагических противоречиях и заключается какая то мистическая тайна этой великой и многоликой души. И какими жалкими кажутся иногда попытки иностранцев изучить и понять душу того народа, который даже и для нас самих является каким то вечным Сфинксом! Даже мы, русские, не поняли еще самих себя, не заглянули еще никогда в свои душевные стихийные глубины. Среди нас не было еще Эдипа, который мог бы разгадать наши душевные ужасные загадки. Многие поняли и разгадал Достоевский, но все же и после него осталось в этой области много загадочного и таинственного.

Трудно изучить эту душу потому, что она любит крайности, а не ту "золотую середину", о которой говорил некогда Аристотель. Эта душа не любит умеренности. Она не идет теми широкими и ровными путями, по которым идет душа европейца или амер-

канца. Она любит играть с опасностью и даже со смертью. И чем страшнее и опаснее ее путь, тем более она находит в нем какого то мистического упоения. Хотя в России никогда не было рыцарства, но это безстрашие русской души, эта любовь к опасностям являются типичными чертами подлинного рыцарства. Она не признает компромиссов. Она не признает "законов человеческих", которые так свято исполняют "добрые граждане" Европы и Америки. Она способна признавать один лишь закон Бога, но даже и этот закон она иногда отвергает во имя своей свободы. Поэтому, быть может, в этой душе и могут жить два разных идеала: идеал Мадонны и идеал Содомский, идеал Христов и идеал Великого Инквизитора.

Эта душа может молиться Богу и совершать в ту же минуту преступление; может унижать себя до последней степени, но в тот же час может возвыситься и нравственно преобразиться. Этой душе понятны только крайности. Понятен ей суровый аскетизм и подвижничество, но ей понятны также и те "сластолюбивости", образы которых так ярко начертал нам Достоевский в "Братьях Карамазовых." Эта "семейка" — русская. Русский Алеша, этот святой юноша, но русскими являются также и Митя с Иваном. Русской является и Соня Мармеладова, эта святая грешница, сыгравшая в жизни Раскольникова почти ту же роль, какую сыграла в жизни Данте божественная Беатриче. Все герои Достоевского являются теми людьми, в душах которых живет прежде всего эта особенная русская стихия. В этом смысле мы и называем их русскими. Таких людей нет ни в Европе, ни в Америке. Они могут рождаться только там, где царствует эта могучая душевная стихия.

Эту особенность русской души никогда не удастся понять иностранцам. А в этой то особенности и заключается ведь подлинная русская идея. Проф. Б. Вышеславцев первый заметил в творчестве Достоевского эту своеобразную душевную стихию. 2)

**

Эти же страшные противоречия живут в душе всякого русского человека. Поэтому, быть может, и в русской культуре господствуют эти непримиримые и крайние начала. Неутолимая жажда свободы живет рядом с насилием и деспотизмом; религия и мистика с вульгарным материализмом; а подлинное русское искусство — с каким то безобразным пролетарским творчеством.

Печать этой русской стихии лежит даже на русских революциях. Последняя русская революция является необычайно яркой иллюстрацией этой особенности русского сознания. Русский революционер, как Ибсеновский Бранд, признает только один лишь лозунг: "Все плъ ничего." Этот лозунг является чем то совсем непонятным для всякого западно - европейского или американского революционера. Даже в самом слове "революционер" это сознание находит иной смысл, ибо в Европе и Америке нет этой русской непримиримой революционности. Европа и Америка не могут понять духа русских революций.

"Безграничный общественный простор, — говорит профессор Н. Алексеев, — боязнь всяких принудительных и правовых форм характеризует наше социальное сознание в отличие от западного. Давно уже признано, что мы прирожденные анархисты. Анархия — это наша стихия, без которой нам тесно и страшно." "Конечно, — говорит он далее, — анархизм не исключительно русский продукт. И на Западе существовали анархисты, пожалуй, не менее последовательные, чем у нас. Но анархизм, как стихийное массовое течение, несомненно, является нашим приобретением. Широкие массы у нас верят, что анархия есть неопровержимо лучший общественный строй." 3)

Этот стихийный русский анархизм проявился очень ярко в русской революции 1917

года. Даже все русские социалистические партии, являющиеся продуктом западной культуры, являются отчасти анархическими. Даже коммунистическая партия дышала некоторое время (1917 год) этим же анархическим пафосом. Замыслы и дерзания ее были в то время градиозными. Даже в 1918 году ее вождь, Ленин, заявил открыто, что цели этой партии — ничем не отличаются от целей анархистов. 4)

В русских революционерах живет начало вечного бунтарства. Им непонятны, в сущности, ни социальные реформы, ни компромиссы, в которые так верит западно - европейские социалисты. Всякий авторитет, всякий правопорядок является в нашем сознании каким то безусловным злом. Отсюда бунт против господства и авторитета, "бунт против всего, — как пишет Алексеев, — что кроет в себе хотя бы наметк превосходства." Нам вечно грезится прекрасный образ человека "без Бога, без хозяина, без власти."

Само собой разумеется, что если в этом безусловном бунте кроется какое нибудь творческое начало, если в этой стихии бунта могут родиться счастье и благополучие, тогда в этой стихии имеется свой сокровенный смысл. Если результатом этого бунта будет всеобщий праздник, праздник освобожденного человека, тогда это стихийное бунтарство будет являться нашей великой гордыней. Трагедия же этого бунтарства заключается в том, что результатом его может быть и хаос. Это мы видим в русской революции. Мы, словно средневековые маги, вызвали духов стихийных сил, но управлять ими у нас не хватило силы. Отсюда хаос, смерть и разрушение. И наши голоса не звучат в этом бунте так мощно и торжественно, как, например, звучат они в увертюре "Тангейзер", но с каждым днем становятся все тише и печальнее... Ибо не мы победили хаос, а хаос победил нас. Бури и громы этого бунта поразили нас же самих. Мы не могли, подобно Зевсу, держать эти громы и молнии в своих руках и направлять их в нужные лишь стороны.

Прав, разумеется, профессор Алексеев, когда говорит, что "начало безусловного

бунта есть чисто отрицательный и творчески ничтожный принцип. Чтобы бунтовать со смыслом, надо знать, во имя чего бунтуешь. Авторитет принципа есть божество праваго бунта, и нельзя поэтому объявлять бунт всем богам, так как тогда самый бунт будет ничтожным. Состояние безусловного бунтарства есть состояние безумия, в него впадает человек в бешенстве, когда им владеет тот "бес", которого Достоевский увидел в нашей революции. "Разве признание авторитета более разумного человека заключает в себе чтонибудь плохое? И разве безусловному отвержению подлежит авторитет нравственный? Авторитет сам по себе не заключает еще ничего дурного. Бывает хороший, бывает и дурной авторитет." Бунтуя же против всяких авторитетов, люди бунтуют и против творческого и положительного авторитета. "Заблуждение анархизма, — продолжает Н. Алексеев, — проистекает из искаженного толкования идеи равенства. Нельзя оправдать, — говорит он, — многие общественные неравенства: богатство и бедность, господство и неволя. Бунт против них допустим, но пускай он совершится. Пусть уничтожено будет социальное неравенство, пусть водворится царство общественной справедливости. Разве в этом царстве справедливости не будет превосходства разума, чести и совести? Разве не будет нравственно больших и малых, учителей и учеников, достойных и недостойных? Мы думаем, что с водворением социального равенства не кончится еще прогресс человечества, а как он возможен без "больше" и "меньше", без своеобразного неравенства? Не станут же люди сразу богам."

Глубоко заблуждаются те анархисты, которые так свято верят в возможность абсолютного равенства. Никогда не может быть абсолютного равенства, как не может быть и абсолютной свободы. Если речь идет о равенстве материальном, то в этом отношении их вера может оправдаться до известной степени. Но ведь кроме материальной стороны есть в жизни человеческой еще и сторона духовная. Запросы же материальной стороны являются почти ничтожными в

сравнении с запросами духовными. И если в области экономической можно достичь какого-нибудь равновесия, то в области духовной едва ли может быть такое достижение. Материальные богатства могут быть отняты у человека, могут быть "национализированы" или же "социализированы", но к области духовного богатства не применима никакая "социализация." Духовное равенство (относительное, разумеется) будет возможно не тогда, когда люди, следуя большевистским принципам, будут "грабить нагграбленное", а будет возможно лишь тогда, когда люди, приняв учение Христа, будут сами же раздавать свои духовные имущества бедным и нуждающимся.

Большевики, как нам известно, сделали некогда попытку осуществить принцип такого равенства. Попытка же их кончилась трагически: никакого равенства (ни материального, ни духовного) им не удалось осуществить. Ограбить они могли богатого купца, но не могли ограбить богатого духом и знаниями.

В области материальной эти грабители могли занять место ограбленного, но они не могли освободиться от своей духовной нищеты, от своего духовного плебейства. Были последними, последними и остались.

Сам по себе грабеж является чем то ужасно соблазнительным; искушения его — искушения очень великие. Нужно быть подлинным титаном духа, чтобы победить этот великий соблазн, чтобы преодолеть эти ужаснейшие искушения. Грабеж всегда связан с богатством и удовольствиями (материальными); богатству же любят поклоняться в наше жестокое время и глупые, и умные, и сильные, и слабые, и бедные, и богатые. Сейчас в каждой стране ничтожнейшее меньшинство богатых грабит самым безжалостным образом бедняков. Но ведь и эти бедняки (особенно в Америке) желают стать богатыми. "Плохой тот солдат, — говорит наша пословица, — который не думает быть генералом." Бедняк не хочет быть ни маршалом, ни генералом (об этом думают военные), но он частенько хочет быть Рокфеллером и Фордом. Жажда богат-

ства — жажда неутолимая; она живет так сильно в душе современного человека, что ему очень трудно освободиться от этого проклятого и страшного недуга. Жажда богатства делает его рабом мертвых вещей и убивает в нем все лучшие порывы и стремления. Наше XX столетие является слишком практическим. Понятия достоинства и чести, подвига и героизма почти неведомы людям нашей эпохи. Ни Прометей, ни Эрос, ни Пинхей не могут жить сегодня на земле. Никто их не поймет сейчас. Нигде им не найдется места. Место их занял на земле Мидас. Любовь к богатству так же сильна в этом мире, как и жажда власти. Люди, конечно, знают, что все эти явления — явления суть преходящие. Умирает всякая власть, погибают богатства материальные, не погибают лишь духовные сокровища. Умирают Рокфеллеры, Моргань и Карнеги, но не Софоклы, Данты, Байроны и Достоевские. Это болезнь нашего столетия. Трудно бороться с нею потому, что все люди больны этой болезнью.

Усердно же культивируется эта болезнь различными социалистами, особенно большевиками. Богатство является их божеством. Многие люди думали когда то, что большевики ведут борьбу с богатством ради уничтожения этого идола и ради утверждения каких то новых пенностей. Но это мнение было большой ошибкой, ибо большевики устроили свою “октябрьскую” революцию лишь для того, чтобы прибрать к своим рукам богатство. Это они и сделали. На языке большевиков этот грабег называется “экспроприацией экспроприаторов”. Но этот лозунг не выдерживает ни малейшей критики. Нельзя его оправдать ни юридически, ни морально. Не мог бы оправдать его даже сам Маркс. Маркс, как известно, говорил о праве работника на полный продукт его труда. Если бы все эти богачи были ограблены рабочим классом, то в этом грабеже была бы своеобразная правда. Но ведь ограбили этих богатых не рабочие, создававшие эти богатства, а те немногие “коммунистические товарищи”, которые ни в коем случае не могут быть причислены к рабо-

чим. Многие из них никогда не работали на капиталистов; а многие считали “буржуазным предразсудком” работать даже на самих себя. Иные же из них сидели просто в тюрьмах в качестве уголовных преступников.

Вот эти то “товарищи” и не имеют права на грабег. Им не позволил бы грабить даже сам Маркс, духовный их отец, ибо работник может взять свое лишь. Если же он берет не свое, то он становится самым обыкновенным грабителем. Никто не имеет права на такой грабег. Если же это действие будет оправдано, тогда нужно оправдывать и того человека, который ограбит первого грабителя. И так до бесконечности.

Правда, большевики могут сказать нам, что и они ведь потрудились много в этой революции. Конечно, можно согласиться с ними до известной степени, но ведь не нужно забывать того, что и разбойник тоже “трудится.” Палач, ведь, тоже “трудится.” Такою же работою была работа и большевиков. Стрелять людям в затылки из ружья — это еще не значит трудиться; это не значит также, что, убив богатого, убийца получил какое то право на его имущество.

Многие революционеры, в том числе и анархисты, проповедуют социальную революцию, но очень немногие из них поняли истинную сущность этой великой социальной катастрофы. Немногие из них уразумели также и такой вопрос: какими должны быть пути подлинной социальной революции? Одни из них нам говорят, что подлинная революция заключается в полной “экспроприации экспроприаторов”; другие думают, что истинная революция заключается в установлении “диктатуры пролетариата” и в полном истреблении буржуазии и интеллигенции; третьи же утверждают, что подлинная революция будет происходить тогда, когда она отвергнет всякие моральные и юридические нормы и утвердит один лишь только принцип: господство революционных чувств.

Такие революции не могут быть успешными. Финал подобных революций бывает

обычно трагическим. Такой финал подобных революций является почти что неизбежным. Если устраивается социальная революция, то в ней должна быть некая душа, должны быть новые, более высокие нравственные и социальные идеалы. Если такая революция отвергает современное принудительное право, то она может отвергать это право только во имя права лучшего, но не во имя безправия. Не может быть на свете ничего ужаснее, чем полное безправие. Полное безправие есть в сущности самый разнузданный и дикий деспотизм. При полном безправии (если только люди не руководствуются нормами моральными) господствует обычно грубая физическая сила. Можно сказать, пожалуй, что даже плохой закон лучше такого беззакония. Классический образец этого абсолютного беззакония мы видим в начале большевницкой революции, когда высшим законом революции была воля чекиста и грабителя. Без всякого суда и следствия, эти чекисты могли бросить в тюрьму человека, и этот человек нигде не мог найти защиты. Могли его также и расстрелять без всяких оснований, просто ради удовольствия, если только он не принадлежал к этой верховной властвующей касте.

Правосудие средневековых инквизиторов является чем то поистине кошмарным и чудовищным. Что же касается правосудия большевницкого, то можно сказать, пожалуй, что оно в тысячу раз хуже правосудия инквизиторского. Правосудие инквизиторское должно было, ведь, предъявить человеку те или другие обвинения, должно было судить его, должно было дать слово обвиняемому. Правосудие же большевницкое просто злодейским образом убивало людей сотнями и тысячами и называло все эти убийства "революционным террором." Средневековые знали еще и места убежища, как описал их, в частности, Виктор Гюго в своем "Соборе Парижской Богоматери", а русские большевики сумели превратить всю нашу необъятную Русь в Лобное место и кладбище. Вот что означает полное безправие.

Если же революция свергает с пьеде-

сталов финансовых королей мира, то она может это делать только во имя экономической справедливости, а не во имя разграбления этих богатств и распределения их по карманам.

Если социальная революция не признает никакой "буржуазной морали", она должна яркими огненными буквами начертать на своих революционных скрижалях более совершенные нравственные учения. Если же она отвергает всякую мораль, как нечто буржуазное, то она неизбежно окончится людоедством. Это предвидел тот же Достоевский, когда писал о наших "русских мальчишках," которые, сидя в трактирах и пивных, любили разрешать вопросы мировой важности. "Начнут с высокого, а кончат людоедством." Этим и кончили наши коммунистические Шигаевы и Верховенские, эти своеобразные бесноватые, когда их социальный бунт окончился бунтом моральным.

Бунт против права и нравственности не является достоинством нашего века. Бунт против юридических и моральных норм кроется где то в глубине истории. Еще стоики и софисты сомневались когда то в святости и справедливости различных "человеческих законов." Знания и совершенство человека нельзя назвать чем то законченным и абсолютным. Нельзя, следовательно, и творчество этого человека считать чем то священным. А величайший трагик Древней Греции, Софокл, является, пожалуй, большим аномистом, нежели стоики или софисты. Свобода для него является высшим законом. Его бессмертные трагедии (особенно же о царе Эдипе) являются торжественным гимном свободе. Его божественная Антигона бунтует даже против самого царя. Царь ей предписывает соблюдать установленные законы, а она говорит ему:

... "Закона твоего

Не начертал ни Бог, ни справедливость."

Самыми величайшими аномистами нашего времени являются, пожалуй, анархисты. Многие из них думают, что анархизм отрицает всякое право просто догматически. И в этом мнении имеется значительная доля правды. Такие крупные мыслители, как

Штирнер и Толстой, не признавали никакого права. Первый отрицал его во имя эгоизма, второй же отрицал его во имя всеобщей любви.

Так, например, Макс Штирнер говорит: "Ты имеешь право на то, на что имеешь власть. Все права и все полномочия я произвожу от самого себя. Я имею право на все то, что я могу осилить. Я имею право низвергнуть Зевса, Иегову, Бога, если я это могу; если я этого не могу, то эти боги всюду останутся против меня правыми и сильными." "Земной мир принадлежит тому, кто может взять его, или тому, кто не позволяет отнять у себя его. Если он присвоит его себе, то ему принадлежит не только мир, но и право на него. Это — эгоистическое право: мне так удобно, поэтому это мое право." (5)

Толстой отрицает всякое право потому, что оно противоречит учению Христа. Христос не признавал ни права римлян, ни правственности иудеев. Римляне считали его бунтовщиком против римских законов, иудеи считали его самым величайшим бунтовщиком против иудейской правственности. Первые считали его своеобразным гражданским преступником, вторые же распяли его за его новое моральное учение. "Не судите, да не судимы будете." "Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень." Так говорил Христос.

На этом основании Толстой и отрицает право. Всякое принудительное право является безусловным злом. Где есть царство закона, там нет царства любви и свободы. "Где нет закона, — говорит апостол Павел в Послании к Римлянам, — там нет и преступления." (4,15).

"Хорошо было еврею подчиняться своим законам, — пишет Толстой, — когда он не сомневался в том, что их писал пальцем Бог; или римлянину, когда он думал, что их писала нимфа Егерия; или даже когда верили, что цари, дающие законы — помазанники Божии, или хоть тому, что собрания законодательные имеют и желание и возможность найти наилучшие законы. "Уже во времена появления христианства люди

начинали понимать, что законы человеческие, выдаваемые за законы божеские, писались людьми, что люди не могут быть непогрешимы, какими бы они не были облачены внешним величием и что ошибающиеся люди не сделаются непогрешимыми оттого, что они соберутся вместе и назовутся сенатом или какимнибудь другим таким именем." "Но мы ведь знаем, как делаются законы, мы все были за кулисами, мы все знаем, что законы суть произведения корысти, обмана, борьбы партий, — что в них нет и не может быть истинной справедливости." (6)

Следовательно, признание каких бы то ни было законов "есть признак самого дикаго невежества." "Любовь повелевает, чтобы вместо права она сама стала для людей законом. Из этого следует, что мы должны руководствоваться не правом, а заповедями Христа." (7)

Так же враждебно относится к законам и Кропоткин. "Закон, по его мнению, не имеет никакой культурной задачи. Его единственная задача состоит только в защите эксплуатации" (8). Жестко ошибаются, однако, те анархисты, которые, быть может, думают, что и Кропоткин отрицает право вообще, как это делают Толстой и Штирнер, отвергающие его без всяких ограничений во времени и пространстве. Кропоткин отрицает только лишь принудительное право, он отвергает "письменный закон." Но он не отвергает права вообще. Он признает "обычное право" и "право договорное", которое и будет правом будущего общества (9). Не отрицает также этого обычного права и Бакунин. Нельзя поэтому назвать их аномистами. Нельзя также и думать, следовательно, что анархизм отрицает право. К числу самых непримиримых анархистов-аномистов принадлежит только Толстой, не признающий никакого права. Что же касается Кропоткина и Штирнера, то их нельзя назвать такими анархистами: Кропоткин утверждает право обычное и договорное, Штирнер же, отрицая право вообще, право других людей, утверждает только свое лишь право, право эгоиста.

Что же такое право? Можно ли отрицать современное право, не заменив его каким то иным правом или же нравственностью? Имеет ли какое нибудь отношение та или другая юридическая норма к нормам моральных требований? Возможно ли существование какого либо общества без всяких юридических, а также и моральных норм?

Это важнейшие вопросы, которые необходимо разрешить во чтобы то ни стало всякому бунтовщику против права и нравственности.

“Право, — говорит Меркель, — есть средство для достижения цели; оно служит для ограждения установленного порядка; право служит интересам, которые при нем получают возможность свободного осуществления; к этой цели направляется право.

Содержание права можно сравнить с содержанием мирных договоров, ограничивающих сферы господства различных государств по отношению друг к другу и достигающих этого настолько, насколько такое ограничение соответствует потребности в прочном мире в среде участвующих в мирных переговорах государств, а не в скором переходящем кратком перемирии.

Содержание права одновременно же падает некоторому влиянию в смысле установления или сохранения его в согласии с господствующими этическими воззрениями, особенно с воззрениями на справедливость, и поэтому всегда наряду со свойством целесообразности право притязает и на свойство справедливости.”

“Вследствие этого, прежде частое осуждение старых женщин за колдовство, в настоящее время, мы считаем несправедливым, так как никакого колдовства не существует, а потому и приговора не достаёт фактической истинности; точно также для нас является несправедливым прежде частое осуждение еретиков на сожжение, так как подобное осуждение противоречит нашим этическим взглядам и подобным приговорам, но нашим воззрениям, не достаёт нравственной истинности.”

Когда мы говорим о современных уго-

ловных кодексах, о гражданском праве и праве международном, мы можем, разумеется, отвергать его на тех же основаниях, на каких отвергали его Штирнер, Толстой и Кропоткин. Современное узаконенное право едва ли можно назвать “минимумом нравственных требований”, как думал, например, в свое время Вл. Соловьев 11). Эту же точку зрения защищает и Еллинек.

Когда же речь идет о праве договорном или о праве обычном, то это право не могут отрицать ни социалисты, ни анархисты, если только они думают не об отвлеченном штирнеровском индивидууме, а об общественной жизни людей.

Право не нужно только для Робинзона Крузо, живущего на необитаемом острове, и не имеющего никакой связи с другими людьми. Своеобразные юридические нормы появляются на этом острове только тогда, когда там появляется другой индивидуум (Пятница). Если даже два человека составляют общество, то даже в этом обществе появляются юридические взаимоотношения. Они создают для себя разные правила поведения, правила общей работы, которые и являются фактически их юридическими отношениями. Эти законы мы найдем даже в разных общественных организациях, хотя они известны там под именем статута и уставов. Нельзя, конечно, думать, что подлинный закон есть только закон писанный. Люди в большинстве случаев руководствуются в своих взаимоотношениях законами неписанными. Эти законы, как и многие народные обычаи и традиции, играют большую роль в жизни, нежели законы писанные. Этими законами руководствуются наши русские крестьяне. Только эти законы признавало средневековое рыцарство. Эти же законы играют очень большую роль даже в американском судопроизводстве. Бывают даже конституции неписанные, как, например, английская.

Будут, повидимому, существовать эти обычные или же договорные законы даже в тех совершенных обществах, какими грезятся нам общества лишь анархические. Всякое правило, принятое этим обществом,

будет, конечно, обязательным для члена общества. Всякое нарушение этих правил будет вносить в эту общественную жизнь начала разложения. Если кто либо не захочет подчиняться этим общественным правилам, он может уйти из общества, но он не может находясь там нарушать эти установленные правила.

Заключенное и совершенное общество мыслимо только тогда, когда все его члены будут стоять на высшей ступени нравственности, когда они добровольно будут проявлять максимум добра и справедливости. Такому обществу не нужны никакие законы, ибо их нравственность выше законов. Вполне можно согласиться с проф. Алексеевым, который говорит, что "отношения существ, находящихся в стадиях нравственного экстаза, не могут быть построены на праве и не знают права. Им право не нужно с высшей точки зрения, как животному существу оно не нужно с низшей" (2). Ранние буддийские и христианские общины находились до известной степени в состоянии этого нравственного экстаза, а потому то они меньше кого бы то ни было имели нужду в законе.

Закон требует от человека немногого. Он говорит человеку: не убивай, не грабь, не насилуй, потому что подобные действия приносят очевидный вред другому человеку. Закон не требует от человека, чтобы он любил ближнего, чтобы он раздавал свое имущество бедным, но он не позволяет также человеку делать какое либо зло другому человеку. Для этого то "низшего" и "среднего" человека, не осознавшего еще своего нравственного долга, и существуют правовые нормы. И эти нормы, ставящие этого среднего и низшего человека на ступени должного, будут существовать до тех пор, пока все его поступки не будут вытекать из его нравственных эмоций. Ибо, где начинается нравственность, там кончается право.

Надо думать, что в анархическом обществе люди не превратятся в ангелов, если только их анархизм не будет вытекать из религиозных или мистических источников.

А раз это так, то среди них возможна будет и борьба, и ненависть, и насилие, и ложь, и многие другие действия, которые можно отнести не к области греха, а к области обычных правонарушений. Возможны будут также и уголовные преступления (ибо источник преступлений нужно искать не только в несовершенстве социальной жизни, но и в области психической), с которыми придется обществу бороться. Не будут же, ведь, совершаться все преступления безнаказанно.

Поэтому, быть может, Достоевский и думал, что преступления могли бы сократиться только в том случае, если бы церковь судила преступников. Церковь не может рассматривать человека с той же точки зрения, с которой рассматривает его нынешнее государство. Для государства человек — ничто, для церкви же — абсолютная ценность. В первом случае — человек существует для целого, во втором же случае — целое существует для человека.

Можно, конечно, и не соглашаться в целом с Достоевским, но нужно признать, что в его суждениях имеется какая то своеобразная мудрость. Вот что он говорит устами своего героя:

"Да если бы и теперь был один лишь церковно - общественный суд, то и теперь бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь."

"Если бы все стало церковью, то церковь отлучала бы от себя преступного и непослушного, а не рубила бы тогда голов, — продолжал Иван Федорович. — Я вас спрашиваю, куда бы пошел отлученный? Ведь он должен был бы не только от людей, как теперь, но и от Христа уйти. Ведь он своим преступлением восстал бы не только на людей, но и на церковь Христову. Это и теперь, конечно, так в строгом смысле, но все таки не объявлено, и совесть нынешнего преступника весьма и весьма часто вступает с собою в сделки: "украл, дескать, но не на церковь иду, Христу не враг," вот что говорит себе нынешний преступник сидя да рядом, ну, а тогда, когда церковь становится на место государства, тогда трудно бы-

ло бы ему это сказать, разве с отрицанием всей церкви на всей земле: "все, дескать, ошибаются, все уклонились, все — ложная церковь, я один убийца и вор — справедливая церковь." Это ведь очень трудно себе сказать, требует усилий огромных, обстоятельств не часто бывающих. Теперь, с другой стороны, возьмите взгляд самой церкви на преступление: разве не должен он измениться против теперешнего, почти языческого, и из механического отсеечения зараженного члена, как делается ныне для охранения общества, преобразиться, и уже вполне и не ложно в идею о возрождении вновь человека, о воскресении его и спасении его." 13).

**

Право и нравственность являются важнейшими проблемами, которые во чтобы то ни стало нужно разрешить. Достаточно детально разработано анархическое учение с точки зрения экономической и политической, но оно не рассматривалось никогда серьезно с точки зрения юридической. А между

тем, право и нравственность являются важнейшими основами всякого человеческого общества. В основе первого лежит необходимость, в основе другого — полная свобода. Отрицать же и то и другое может лишь только тот, кто хочет уподобиться низшим животным, которые не знают еще ни понятий должного, ни нравственных поступков.

Е. ДОЛИНИН.

Февраль, 1927.

ПРИМЕЧАНИЯ: 1) Достоевский: Братья Карамазовы. 2) Б. П. Вышеславцев: Русская стихия у Достоевского. 3) Проф. Н. Алексеев: Введение в изучение права. 4) Ленин: Государство и революция. 5) М. Штирнер: Единственный и его собственность. 6) Л. Толстой: Царство божие внутри вас. 7) Толстой: В чем моя вера? 8) П. Кропоткин: Речи бунтовщика. 9) Там же. 10) Меркель: Юридическая Энциклопедия. 11) Вл. Соловьев: Оправдание добра. 12) Проф. Н. Алексеев: Основы философии права. 13) Достоевский: Братья Карамазовы.

STELLA MARIS

Тебе, Звезда моя, молитвы и сомненья,
И слезы горькие я вечно приношу.
Тебе лишь, раненый, из грохота сраженья
Привет последний напишу.

Тебя лишь вижу я, и кроткий, и мятежный,
Во тьме моих ночей и в сумерках земных,
И слышу голос твой ликующий и нежный
В пустынях мертвых и немых.

О, будь же до конца надеждой и спасеньем,
Звездой моей души, владычицей моей.
Будь на пути моем небесным утешеньем,
Царица вечная морей.

Тебе, тебе одной молитвы и сомненья,
И слезы горькие я вечно приношу.
Привет последний мой из грохота сраженья
Тебе одной лишь напишу.

Р. З.

1927.

ДНИ РАДОСТИ

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ)

Нас было 12 человек. Работали недалеко от Нью Йорка по прокладке водопроводных труб. Там же и жили в "казенных" квартирах. Работа на открытом воздухе, в стужу и вьюгу до того нас закалила, что мы были похожи скорее на индейцев, чем на представителей белой расы. Особенно это чувствовалось, если кто-нибудь из наших друзей приезжал к нам из Нью Йорка, или если мы бывали в городе. Лицо нашего горожанина — белое и бескровное — казалось особенно белым в сравнении с нашими бронзовыми и потрескавшимися на морозе лицами.

Нас это однако мало смущало. Человек может ко всему привыкнуть: привыкли и мы к такой жизни и к такой обстановке. А привыкли — и камень кажется нетвердым. Многим даже нравилась такая "закаленность" и вообще такая жизнь. Главное — во всем чувствовалась простота и непринужденность. Никакого стеснения, никаких "процедур." Кончили работу — и тут же в бараке, не переодеваясь, ужидали, потом отдыхали, и только отходя ко сну сорасывали с себя большие резиновые сапоги и облепленную глиной рабочую блузу.

Работа наша была самой простой и несложной. Приходилось копать канавы, местами очень глубокие, и закладывать в них большие чугунные трубы. Требовались одни лишь мускулы и некоторый навык. Проработав несколько дней, каждый мог свободно занимать самое ответственное место — записывать мох или сено в образующиеся щели между концами труб.

Эту работу у нас выполнял Павел, человек крепкого телосложения и довольно трудолюбивый. В России Павел, по его рассказам, был социалистом. В чем заключался его социализм, к какой партии он принадлежал, — об этом Павел ничего не говорил, да никто у него и не допытывался. Но все знали, что Павел — сын зажиточного деревенского кулака. Учиться не захотел и

жил у своего отца в деревне без всякого дела. Хороводил по улице с крестьянской молодежью, озорничал, пел песни, напивался иногда. В пьяном виде он однажды оскорбил урядника, забрался к священнику во двор и стащил оттуда несколько кур. За это его хотели арестовать, но он успел скрыться в Америку.

Попав в страну "желтого дьявола", без языка и без денег, Павел долго мытарствовал, ездил из города в город, из штата в штат. Работать, по старой привычке, не хотелось, да и достать то работу не всегда было возможно. Приходилось ночевать иногда в бесплатных городских ночлежках, жить на несколько сентов в день. Побывав Павел в Западных штатах, в Канаде, заглянул в Калифорнию, но везде находил одно и то же: суровую беспощадную действительность. Мало-по-малу от его бывшего ухарства ничего не осталось, присмирел он, покорился судьбе и принялся прилежно работать.

Своего прежнего задора, или, как он называл, социализма, Павел, однако, не забыл и часто нам рассказывал о том, как в деревне все его боялись, а он никого не боялся и не признавал никакого начальства. Охотников слушать его рассказы среди нас было мало. Один только Костя — совсем еще молодой человек — со вниманием выслушивал их до конца. Познакомился Костя с Павлом, работая на пороховом заводе. Обоих их уволили с работы за какое то непослушание. Павел после этого уехал в Нью Йорк, а Костя — работать в лес. В лесу ему не повезло и он поступил на один речной пароход в качестве матроса. Там он тоже вскоре получил расчет и вынужден был приехать в Нью Йорк. Шатаясь по улицам Нью Йорка, он встретил Павла, который и устроил его на работу по рытью канав.

Вместе с Костей попал туда и я. Сначала окружающая обстановка нам показалась невыносимой. Особенно нас смущал внутрен-

ний вид барака, где мы должны были спать, кушать и жить. Тусклый свет, мрачные стены, темный потолок, никогда не мытые маленькие окна, — все это навевало на нас самые печальные размышления. Мы прежде всего принялись за наши кровати. Дождавшись первого воскресенья, вынесли их на двор, почистили, вымыли пол и стали соблюдать элементарную чистоту. Сожители наши сначала подтрунивали над нами, видя, что мы всякий раз перед едой моем руки и не садимся в грязных “оверолс” на кровать. “Ишь, нашлись супчики” — сыпались острые словечки по нашему адресу.

Потом однако все это прекратилось. На нашу “щепетильность” перестали обращать внимание, а некоторые даже начали нам подражать. Первым, кажется, на нашу сторону перешел солдат Андрей — или просто, как его у нас называли, “солдат”, служивший где-то в Сибири в интендантской роте и поэтому имевший некоторое представление о чистоте.

С Андреем очень скоро мы подружились. Он был большой охотник слушать новости о ходе военных действий, мы же с первых же дней выписали русские газеты, — я одну, а Костя — другую, и каждый вечер читали о том-ли, что немцы собираются прорвать рижский фронт, или же о том, что генерал Брусилов приступом берет г. Ковель. Андрею, как солдату, не очень нравилось, что немцы так далеко зашли в Россию и что русские никак не могут их выгнать оттуда. Иногда он даже отказывался верить газетам.

— Подкуплены немцами газеты, потому и пишут так, — часто говорил он.

Тут обыкновенно в спор с ним вступал Павел, всю вину за поражение русской армии сваливавший на духовенство.

— Меньше в России было бы попов — все было бы хорошо, — многозначительно заявлял он. — Сидят долгогривые да народ чертями пугают. А придет война — все эти сказки о чертах гроша ломанного не стоят. Небось немец меньше говорил о чертах, а больше пушек да подводных лодок строил. И теперь ему не страшны ни иконы, ни святая вода...

— А ты только погоди, — горячился Андрей, — полетит твой немец так, как полетел француз из Москвы.

— Да чего глядеть! Во время японской войны тоже глядели, глядели — и проглядели. “Терпение нужно, терпение”... а японцы тем временем жарили. Главнокомандующий требовал амуниции, а ему из Петербурга слали целыми поездами иконы... То же получается и теперь.

Спор тут принимал иногда очень бурный характер. Остальные хотя и редко вмешивались в спор, но открыто выявляли свои симпатии той или иной стороне. Силы были почти равные. На стороне Павла было человека три, столько же было и на стороне Андрея. Остальные предпочитали хранить нейтралитет, в числе которых был и я с Костей.

Другим спорным вопросом был у нас вопрос о возвращении в Россию. Некоторые говорили, что надо ехать и там предпринимать какие либо меры, “чтобы не дать окончательно погибнуть стране.” Другие же были против поездки в Россию. Весьма характерно, что Павел придерживался первого мнения, а “солдат” — второго. Павел доказывал, что русские американцы могли бы влить свежую струю в жизнь страны, Андрей же обосновывал свой взгляд тем, что в России есть много людей и что целесообразнее отсюда посылать в Россию деньги и вещи беженцам. Других спорных вопросов не было. Работа почти никогда не вызывала никаких пререканий, да ею вообще мало интересовались. Одни только Павел любил иногда похвастать, что он в деле закладки труб изучил все тонкости и мог бы теперь принести большую пользу России. Остальные же не только не интересовались работой, но явно ею тяготились. И тяготились скорее не самой работой, а ее характером. Надо сказать, что копать канавы зимою так же хорошо, как хорошо работать в зимнюю пору в густой чаще леса. И если бы эта работа была нашей, если бы мы знали, что работаем для себя, — мы бы и горюшка не знали. Но неотвизчивое чувство наемничества и постоянное присутствие формана убива-

вали в нас всякую охоту к работе. Работали нехотя, "через силу" и чувствовали некоторое облегчение лишь в том случае, если от нас уходил куда-нибудь форман.

**

Наступил март месяц. Солнце стало обильнее лить свой свет и теплоту. Снежный покров потемнел сверху, затвердел и покрылся миллионами ямочек и дырочек, расположенных в южном направлении. Нижняя часть снега постепенно таяла и превращалась в воду. Местами появились проталыны, в низинах образовались лужи, каждую ночь замерзавшие. Повеяло пробуждением... Чувствовалось, что та молодая, кипучая жизнь, которая пышиным фонтаном бьет весной, уже где-то близко находится и шлет своих первых гонцов в виде шумного полноводья. Благотворное дыхание наступающего пробуждения все испытывало — животные, птицы и растения, — только нас — 12 здоровых и сильных людей — это как будто не касалось. Мы попрежнему продолжали носить печать печали и уныния. Ни приближение теплых весенних дней, ни появление грачей и жаворонков не веселило нас и не вносило в нашу серую действительность ни тепла, ни радости. Каждое утро мы — угрюмые — выходили на работу, каждый вечер чувствовали усталость не столько от работы, сколько от того, что она была тягостной.

Приближалась середина марта. Дни стояли солнечные, ясные. В один из таких солнечных дней старик Чалый, выполнявший кое-какие второстепенные поручения, в том числе и доставку почты и за это получавший небольшую плату, привез с почты газеты и как всегда, оставил их в бараке. По окончании работы мы быстро ухватились за них в надежде узнать, что произошло на театре военных действий. Смотрим — и не верим. На первой странице большими буквами, самыми большими какие только в типографии, по всей вероятности, оказались, значилось: "В России революция."

— Ура! — закричал Костя и принялся читать о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, на улицах идут бои, при чем

петроградский гарнизон перешел на сторону революционеров.

Необыкновенная радость охватила всех нас. Даже те, кто раньше больше интересовался разными сплетнями и игрою в карты, оставили свои прежние занятия и жадно прислушивались к чтению газет. Костя своим ровным голосом отчетливо читал об отречении царя и о том, что "Дума Русью руководит." Все с напряженным вниманием слушали, а когда чтение кончилось — горячо принялись обсуждать разыгравшиеся события. Прежние вопросы, планы и заботы отошли где-то на задний план. Все думали только о происходящем в России. Красным заревом носилась Россия в нашем воображении. Яркой звездой она пылала. Все наши мысли, все чаяния сразу же устремились туда. Казалось, что больше на свете ничего не существует. Казалось — есть только одна Россия, — Россия свободная, прекрасная, неопалимой купиной горящая и своим светом все в мире освещающая. От этого тепла и света жизнь наша сразу переменялась, — из серой и бессмысленной стала интересной и осмысленной. Невольно хотелось вместе с поэтом крикнуть: "стоит жить". Казалось, что все переменялось: солнце стало ярче, небо голубее, деревья красивее, песни жаворонков интереснее. Наша грязная и неприглядная работа тоже стала отраднее. Впрочем, мы ее как бы и не замечали. До этого ли было... Что значила наша работа в сравнении с тем, что происходило в России. Присутствие формана — былой нашей грозы — тоже нас больше не тревожило. Теперь он нам казался самым обыкновенным, самым простым смертным человеком. Мы на него не обращали внимания и не боялись больше его. Он повидимому это чувствовал, поэтому не проявлял своей прежней привычки — рисоваться перед нами и производить на нас давление.

На работе только и речи было, что о событиях в России. Целый день мы толковали об открывающейся новой эре, о светлом будущем и о том, что должны мы предпринимать в эти великие исторические дни.

— Надо, ребята, собираться в Россию, —

говорил Павел. Там свобода. Восстал русский народ, выпрямился, разорвал цепи и зовет нас строить новую счастливую жизнь. Поедем, ребята, поедем! Что за удовольствие копаться в этой грязи. Мы здесь — ничто. Какойнибудь “айриш” и тот нами командует и понукает. А в России мы теперь будем — царями и творцами своей судьбы.

Павлу никто не пытался прекословить. Все с ним соглашались и все рвались туда... Мысли наши давно витали “под небом России” и только наши бранные тела продолжали оставаться в канавах.

Через несколько дней в газетах было сообщено, что Временное Правительство собирается прислать в Америку пароходы для бесплатного проезда всем тем, кто пострадал за угнетенный русский народ. Павлу среди нас уже не было. Он, считая себя мучеником за русский народ, после первой же полочки оставил работу и уехал в Нью-Йорк, чтобы зарегистрироваться там в каком-то комитете по выдаче свидетельств на бесплатный проезд в Россию. Другие тоже начали бросать работу. Недели через две рассчитались и мы с Костей и уехали в Нью-Йорк.

Нью-Йорк мы хорошо знали. Мы там работали долгое время и поэтому нам был понятен не только облик, но и дух этого города. Однако на этот раз мы были, что называется, несколько ошеломлены. Это был не тот Нью-Йорк, который мы знали. Это был, в эти дни, не американский, а русский город. По крайней мере так чувствовалось, проходя по улицам той части города, которая называется Ист-Сайдом. На каждой улице виднелись русские флаги. Каждый вечер устраивались многотысячные митинги, на которых без конца выносились приветствия русской революции. Всюду слышалась русская речь. Выходя из России, долгое время жившие в Нью-Йорке и “стыдившиеся” прежде произносить русские слова, теперь говорили по-русски. Революция пробудила в них что-то далекое, что-то бывшее когда-то для них особенно дорогим.

Тут только мы узнали, что означает собой революция. Люди, десятки лет прожившие

вдали от России, забывшие ее, окунувшись в водоворот американской жизни, вдруг возгорелись пламенем священной любви к России.

О России говорили везде и всюду. Парикмахер, имевший свою мастерскую в итальянском районе, рассказывал своим посетителям о прелестях белых петербургских ночей, виденных им когда-то в лодке на Ладожском озере. Торговец зеленью и фруктами восхвалял достоинство русского хлебного кваса и чая. Убеленный сединами аптекарь, имевший аптеку на Деленс-стрит, с чувством особого восхищения вспоминал о тех днях, когда он вместе с другими революционерами ходил в народ.

В воскресенье и праздничные дни торжество доходило до высших пределов. Одетые в лучшие наряды люди ходили друг к другу в гости, поздравляли с торжеством революции и угощали друг друга русским чаем и пряниками. Когда же багровое мартовское солнце, купаясь в пыли, скрывалось за высокими заводскими трубами г. Нью-Джерси, на всех площадях, где только позволяло уличное движение, собирались кучками люди и начинали толковать о русской революции. По обыкновению тут же появлялся оратор в очках и со всколоченными волосами — взбирался на ящик и, широко размахивая руками, начинал говорить о яркой заре на востоке, о наступающей новой жизни.

Да, мы жили не в американском, а в русском городе. Можно было смело сказать: “Тут русский дух, тут Русью пахнет.” Дыхание России — не царской с двуглавым орлом, а народной, свободной — чувствовалось на каждом шагу. Нью-Йорк кипел и волновался вместе с Петербургом. Вести, получавшиеся отсюда, с жадностью подхватывались и передавались из уст в уста. Началось великое пробуждение — и в природе, и в народе. Солнце своими животворными лучами заливало город, призывая к жизни все живущее. А на востоке пылала заря и манила к себе всякого. Начался отъезд и проводы. Ехали партиями и в одиночку, ехали на свой счет и бесплатно.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МУЗЫКИ

СТАТЬЯ I.

Происхождение музыки теряется в глубины веков и возможно, что человечество овладело ее первыми элементами раньше чем связной речью. Может быть этим и объясняется, что древние приписывали ее возникновение богам и рассматривали ее как дар людям.

Народы Индии думали, что на землю ее принес Брама; Греки приписывали это Меркурию, Египтяне — Изиде.

Много веков музыка обслуживала только религию, но нужно помнить, что в древности религия обнимала гораздо больше сторон жизни, чем теперь.

Зарождение всей культуры человечества было в Азии — естественно искать там и начала музыки. В Библии Юбал считается первым изобретателем музыкальных инструментов, но теперь мы знаем, что музыка у Евреев, в то время, стояла на гораздо низшей степени развития, чем в Индии, где уже знали и различали тоны диатонической скалы и делили их на $\frac{1}{2}$ тоны и $\frac{1}{4}$ тоны, хотя и не объединяли их в стройную последовательность октавы, являющейся основой нашей музыкальной системы.

В священных книгах индусов, Веды, сохранились названия музыкальных произведений: "Образец Мелодий", "Мир Ощущений" и т. д.

Инструментами были семиструнные "ви-

на" и 4-х струнный род гитары "магонди."

В древнем Китае выросла своеобразная музыкальная система, но истинно музыкального искусства с нашей точки зрения у них не было. Нам трудно представить, слушая их музыку, и теперь очень близкую древней, восторг Конфуция (500 л. до Р. Х.), который говорил, что, услышав музыку композитора Ки, "ничего не мог делать 3 месяца и только переживал ее."

В их интервалах не употреблялась ни кварта, ни секста. Скала начиналась с "фа", различались 8 звуков и начало скалы считалось с высшего ее тона, а не низшего, как у нас.

Египет оставил мало данных о музыке своего времени, но по барельефам видно, что в его культуре музыка занимала видное место.

Их музыкальная скала состояла из 7 тонов — из двух соединенных тетрахорд. Инструменты были род арфы и флейты. Сохранилось название мелодии "Манерос." Религиозные запрещения иностранных мелодий сильно повлияли на развитие музыкальности Египта.

Евреи дали очень мало в искусствах изобразительных, но поэзия и музыка их древности — очень богата. Религиозно-политическая идея "избранного народа" нашла высокое отражение в поэзии и музыке. Оба эти искусства были почти исключительно в руках Левитов (священнослужителей).

Музыкальная теория Евреев близка Египетской и нужно думать заимствована из этой более культурной страны. Музыкальными инструментами были загнутый рог "скофар" и до ныне употребляемый в синагогах, "палит" род флейты; из струнных два рода арфы: "кифара" и "псалтерей." Все псалмы Давида и произведения Соломона пелись хорами (были хоры до 4-х тысяч

О, как мы с Костей жалели, что вынуждены были оставаться в Америке и в такое торжественное время идти искать работу.

Прошло десять лет... И что-же? Где та... Лучше поставить здесь точку и не раздражать душевную рану.

А. БЕЛКИН.

человек). Сохранились названия мелодий к псалмам, очевидно взятых из популярной музыки народа: "Венчание Розы", "Прекрасный Юноша" и др.

У арабов, в особенности после реформ Магомета, (622 после Р. Х.), объединивших разрозненные племена общей религиозной идеей — расцвели науки и искусства. Музыка получила крайне сложную, созданную математиками систему. У них насчитывалось до 84 родов различных музыкальных скал, практически в большинстве бесполезных. Музыка их однотонна и меланхолична с своеобразными интервалами. Музыкальными инструментами служили родоначальница европейской скрипки "рехаб" и род лютни с 15 струнами — "ют" и гобой. Эти инструменты через Мавров Испании и крестоносцев вошли в обиход средневековой Европы.

Высоко одаренный народ Греции и в музыке, как и в остальных искусствах, заложили фундамент ее последующему развитию.

Греки создали музыкальную теорию, построив ее на законах физики и гармонии. История греческой музыки делится на три периода.

Первый период — мифологический до вторжения Дорян (1000 до Р. Х.).

Второй — Эпоха Пелопонесских войн — период расцвета и

Третий — до Завоевания Греции Римом — период упадка.

Из первого периода сохранились легендарные имена Орфея, усмиряющего зверей музыкой (важна идея осознания силы музыки даже в те времена); Амфиона, который звуками арфы заставил камни сложиться в стены города Фив.

Бог Аполлон и музы являлись покровителями музыки. Дифирамбы на празднествах в честь Вакха, послужившие впоследствии материалом для хоров греческой драмы — единственно что осталось от этого периода.

Во втором периоде — расцвета мы встречаем реальные лица: Олимпус и Терпаньер с Лесбоса, называемый отцом древне-греческой теории музыки. Терпантеру приписывается усовершенствование лиры из 4-х в 7-ми струнную, а его мелодии "Номи"

хранились долгое время и имели большое влияние. Дошли имена певцов и музыкантов, поэтесса Сафо (550 до Р. Х.) и Алцея (580 до Р. Х.)

Самой видной фигурой этого периода в музыке был знаменитый философ Пифагор из Самоса (580-504 до Р. Х.). При помощи монохорда с передвижным мостом он установил интервалы, обозначив их цифрами. Главное содержание музыки составляли хоры, предполагают, что они сопровождалась аккомпаниментом кифар и флейт.

Песни хора состояли из трех частей: 1) Строфа, 2) Антистрофа и 3) Эпод. Первые две пелись различными хорами, соединявшимися в Эпод.

С порчей нравов и общим упадком Республики начался декаданс и в музыке. Виртуозность и чрезмерные украшения затмили древние мелодии Номи. Утонченность и внешний эффект прикрывали пустоту содержания и мелодию. Из этого времени известны имена артиста Фриппе, певца Москуса, куртизанки Таис и флейтистки Ламии (300—100 до Р. Х.)

Основа греческой музыки не октава, а две тетра хорды, состоявшие из 2-х тонов и $\frac{1}{2}$ тона:

си — до — ре — ми ми — фа
— соль — ля

Рядом с диатонической системой греки различали хроматическую.

Они различали семь октав, составленных из различных тетра хорд. Наиболее употребительны были: Дорийская, Понийская, Фригийская, Лидийская.

От всей греческой музыки нам остался лишь гимн Аполлону, вырезанный на камне, найденном в Дельфах (200 до Р. Х.).

Римляне, завоевав Грецию, переняли целиком ее музыку этого периода — упадка и дальше развить ее не сумели.

Хоры древности исчезли, появились арии индивидуальных певцов и музыкантов. Аполлон сменился Нероном и храм — цирком. Музыка стала легким развлечением не больше. Музыка бесчисленных варварских племен, завоеванных Римом, образовала новые мелодии. Так продолжалось до паде-

ния Империи, до первых веков Христианской эры и образования Варварских государств.

Новая религия, христианство, взамен языческого мирозерцания, искавшего выражения своих идеалов в прекрасных формах земной жизни, унесло души людей к отвлеченным идеалам Доора, Божественной Любви и Ничтожества всего Земного перед Небесным.

Эти идеи трудно было выразить в скульптуре или живописи и тем более музыка стала необходимым посредником для выражения этих новых движений человеческой души.

Первые мелодии христианства нам неизвестны, но нужно предполагать, что они были похожи на еврейские песнопения, хотя и измененные отчасти греческим и римским влиянием. Нельзя предположить, что новое искусство взялось "ниоткуда" и безусловно христианская музыка выросла из традиции всеобщее известной греческой. Аналогично можно найти в живописи эпохи и скульптуре, где мотивами христианских произведений служили мифы об Орфее, Меркурии и др.

Музыка раннего христианства была исключительно вокальной и хоровой. Св. Климент Александрийский пишет: "Мы признаем лишь один инструмент для прославления Бога — это Слово Мира, а не древние псалтерионы, барабаны и флейты. У св. Жерома находим: "христианские девушки не должны знать ни лиры, ни флейты."

Первое христианское произведение, известное нам, написано в 350 году Иларием, епископом в Пуатье. Эти гимны, характера псалмов, собственно не пелись, а читались нараспев, кончаясь мелодической каденцией.

Иларий и папа Сильвестр организовали и первые школы пения.

Амброзий, епископ Миланский, работал над теорией и урегулированием пения новой церкви (333-397). Он начал вводить не только диатоническую, но и хроматическую скалу, что еще при Клименте Александрийском было запрещено — считавшем, что хроматическая гамма расслабля-

ющая и женственна. Амброзий построил начатки теории на 4-х гаммах: Ре, Ми, Фа и Си — из двух тетрахорд, соответствующих старым греческим.

Много столетий Амброзианское пение было господствующим, особенно в Восточной церкви. Это было время, когда никакой прогресс не был возможен. Кровавые войны, нашествия варваров, многократные разрушения Рима, междоусобицы.

Только в глухих монастырях сохранились слабые отпрыски новой музыкальной культуры.

В это время упадка на престол пап вступил Григорий Великий, один из тех крупных средневековых характеров, которые влияют на всю эпоху. Он понимал все значение музыки для углубления религиозного чувства и много сделал для ее развития.

Он основал знаменитую *Scola Cantorum* бывшую много веков руководящей музыкальной жизни Европы. Он выбрал и утвердил песнопения для литургии и всех служб и треб; по его приказанию они были записаны в книге "Антифонарий", прикованной цепью к престолу св. Петра, как неизменяемый и подлинный авторитет.

Между Амброзианским и Грегорианским пением большая разница.

Первое подчинило напевы ритму текста, второе основывалось на чисто музыкальном ритме. Одним из главных теоретиков был Северин Бовзий (470-524), обезглавленный при короле готов Теодорихе за участие в заговоре.

Его 5 книг "De Musica" были музыкальным Евангелием средних веков.

Новые изыскания показали, однако, что коренная реформа греческой музыки была сделана не на Западе, а Византийской церковью.

Система тетрахорд была покинута, установлена была новая диатоническая октава. Это изменение нанесло окончательный удар греческой теории. С этого-же времени ноты стали называться первыми буквами алфавита (октава начиналась с низшей ноты λ = а).

В Северных странах реформа музыки по

образцу Римской проведена Карлом Великим. Впечатление, произведенное на него Грегорианским пением, было так велико, что он приказал сжечь все книги Амброзианского напева и просил папу Адриана прислать ему учителей Грегорианского пения.

Присланы были о. Петр, основавший школу в Метце и о. Роман — основатель школы в С.—Галене в Швейцарии.

В эти средневековые времена не только музыка, но и наука и все искусства были монополизированы монастырями.

Значение музыки видно из знаменитого круга наук — квадривно — 1) музыка, 2) арифметика, 3) геометрия и 4) астрономия.

12, 13 и 14-ое столетия характеризуются в науке, как время схоластики — то же самое было и в музыке.

Медленно выбивалась ее живая струя из под камней ложной учености с одной стороны и церковных стеснений с другой.

Работа шла главным образом теоретическая. Изобретены были системы записи музыки; приняты были линейки, ключ, разработано деление на темпы, придумано обозначение кратких и длинных звуков, шла переработка гаммы; введены новые виды композиций: 1) “мотет”, 2) “рондель”, 3) “кантилена”, в первом различные голоса одновременно поют разных текст, второй передает настроения народной музыки и кантилена — произведение на свободную тему для 3-х—4-х голосов.

Работы эти начались во Франции, но наибольший размах и талантливость в разработке многоголосной музыки получили в Фландрии.

Там музыка постепенно освободилась от схоластики, становилась проще и красивее. Завершение работ целого ряда музыкантов дало в 1500 годах великого фламандского музыканта Орландо ди Ласси, который в своих произведениях подвел итоги всем теоретическим знаниям эпохи и достиг наибольшей силы и выразительности как композитор, в сравнении с своими современниками.

Параллельно с изысканиями канонов теории и гармонии с помощью астрономии и философии схоластиков, народ пел и творил под впечатлением момента и вдохновения, инстинктом заменял науку, сперва создавал материал, а потом уже прикладывал к нему правила.

Мало произведений дошло до нас от тех смутных времен 11-14 вв.

Нужно помнить, что музыка так же, как и остальные искусства не пришла сразу к человечеству во всем своем богатстве и многообразии. История мелодии — это история развития способности человека воспринимать все многообразие мира звуков. Первоначальные мелодии для современного уха покажутся бедны, монотонны и грубы.

Униссоны, гармония кварты и квинты, изредка речитативность, и вся протяженность мелодии не больше 2-х-3х тактов делали ценнее скорее певучим рассказом с монотонными рефренами и конечной каденцей. Мало по малу входили комбинации других интервалов, вошли усиливающие драматизм диссонансы, разрешаемые более сложно. Комбинации гармонии слагались для 5-6 голосов, речитатив делался певучим и неизбежный рефрен перестал составлять главную музыкальную часть пьесы. Но это был путь в несколько столетий длины. Взаимодействие церковной ученой музыки и свободной народной, усложнение человеческой души с усложнением культуры, а с установлением более спокойной от войн и неустойчивости жизни большая душевная мягкость, дала больше пищи лирическому в жизни. В обиход музыки вошел не только эпос в виде музыкальных памятников больших исторических событий, а повседневная человеческая жизнь.

В Италии сохранилось очень мало старинных народных песен средневековой эпохи. В то время в ней совершалась перемена языка с латинского на современный итальянский, да и кроме этой помехи страна была в состоянии непрерывной войны, представляла нечто вроде военного лагеря всех варваров Европы.

Старейшими памятниками народной по-

эпизм считаются: 1) песня от 900 г.г. "O tu qui servas", 2) песня от 1294 о победе при Лалцо, 3) песня от 1282 об осаде Мессины и др. исторические и религиозные песни.

Позднее, в новеллах Бокаччо, Франка Сакетти (1330) и Леонардо Джустиниани (1388) часто встречаются песни, мелодии которых потеряны для нас.

Религиозное движение в Умбри (1233) дало цикл "Laudi" (прославления) и "Laments" или "Lai" (жалоб), слова и музыка которых частично сохранились. Писали на эти темы также Джакопоне Тоди, Лукреция Торнабуони и Лоренцо Медичи. Напев сходен с церковным Грегорианским, но чувствуется влияние народных мелодий.

Пишная придворная жизнь, майские праздники, карнавалы и т. д. давали много поводов к поэтическим произведениям, певшимся на несохранившиеся для нас популярные тогда мотивы. (Полицциано 1454, Медичи 1448 и др.) Так продолжалось до расцвета Ренессанса, когда и в музыке появились великие мастера, произведения которых более или менее полно сохранились для нас в библиотеках Италии.

В Северной Европе осталось больше музыкальных записей средневековья.

Есть данные, что Карлом Великим были собраны песни и гимны древних германцев, галлов и бретонцев — но сборник этот утерян. Сохранились написанные по латыни сомнительно — народные песни "о победе Клотаря II над Саксонами" (622г.), "Битва при Фонтене" (842 г.) и безусловно народная "Я знаю короля" (Einen König weiß ich! 882 г.)

"Книга Песней" Лахамайера (1452 г.) сохранила нам 41 песню, по которым видно, как велик был прогресс музыкальности за 300 лет средневековья.

Песни стали экспрессивнее, некоторые чрезвычайно богаты мелодией, ритм крайне разнообразен, творчество стало непосредственнее, перестав искать образцов в церковных песнопениях.

В Италии хранителями народной песни и творцами новой светской музыки, опирающейся на народное творчество, были от-

дельные лица — артисты, высоко ценящиеся при итальянских дворах.

На Севере, народная песня и порожденная ею поэзия и музыка опирались на корпорации — во Франции Менестрелей и Трубадуров, в Германии — Миннезингеров и Meisterzünigеров.

Менестрели были кочующие певцы, которых нанимали на свадьбы, балы, похороны и т. п., они были объединены в гильдию со статутами, и продержались почти до 18 века.

Сохранились имена Жана Шармийона (1295), провозглашенного Филиппом Красивым "Королем Менестрелей", и последнего из них Жана Гиньона (1700) "Короля Скрипки". Менестрели пели и в одиночку и хором аккомпанируя себе на флейтах, волынках, арфах и лютнях. Содержанием их поэзии был старый эпос, народные песни и собственные сочинения на соответствующее приглашению темы.

Трубадуры были почти исключительно из дворянства. Сохранились имена Вильяма де Пизауте (1087-1127), Пейроля (1169-1220), Короля Наварского Тибо (1201-1254) и знаменитого Адама де-ла Халь — арраскаго горбуна, у которого есть уже целые постановки (Jeu Robin et Marion).

Содержание их поэзии — турниры рыцарей, отклики Крестовых походов и поклонение даме сердца. Расцвет их был в Провансе и там было создано много новых видов музыкальных произведений, главной темой которых была Любовь рыцаря к его даме. Обыкновенно исполнителями их произведений были Менестрели, они и пели все эти канцоны, танцоны, лан, рондо, альбы, серены, сервенты и баллады.

Миннезингеры Германии во многом сходны с Трубадурами. И те и другие были б. ч. из знати, сюжеты их однородны, разнятся только чувства — как различны расы. Французская поэзия и соответственная ей музыка легка и чувственна, галантное поклонение даме сердца разработано в целую науку "куртуазии". Немцы создали вокруг "дамы сердца" рыцаря поклонение почти религиозное, страсть чистую от всяких земных помыслов и копящуюся только со

смертью. Конечно, это сделало музыкальные настроения этих народов различными.

Сохранились имена участников знаменитого турнира миннезингеров в Варбурге (1207 г.) Вольфрам фон Эшенбах, Готфрид Страсбургский, Вальтер фон Фогельвейде. Они пели о Тристане, Тангейзере и Парсифале.

Освальд Волькенштейн (1387) лучший по мелодиям и один из последних Миннезингеров.

На смену им пришли Мейстерзингеры, но они уже не были продолжателями рыцарских традиций. Это были б. ч. ремесленники, объединявшиеся в свободные от работы часы на почве музыки главным образом религиозной. Они тоже составили конгрегацию с очень сложным уставом (Табулатура). Из них известен знаменитый Ганц Сакс из Нюрнберга.

Эпоха Ренессанса (Возрождения 1400-1600) является и для музыки самой важной и плодотворной, как и для других искусств. Предыдущая эпоха в музыке особенно обязана работам Фламандцев.

Музыка эпохи Возрождения главным образом обязана Италии. Эпоха музыкального ренессанса началась почти столетием позже эпохи Ренессанса в живописи и литературе. Музыкальный расцвет этой эпохи тесно связан с именем Палестрины (род. 1514), а первый автор начинающегося упадка Грегорио Аллегри (1586-1652) т. ч. Ренессанс в музыке совпадает с концом расцвета в живописи и с началом Барокко.

Но начало музыкального возрождения Италии опять таки многим обязано Фламандцам, т. е. основателями и руководителями школ, в которых воспитывались и откуда вышли знаменитые композиторы Италии были Фламандцы.

В 1476 г. Галеаццо Сфорца выписал из Фландрии 30 певцов. Они остались в Италии, основали школы и передали своим ученикам всю сложную теоретическую работу, проделанную во Фландрии. В Италии на этом фундаменте выросла совершенно своеобразная и по содержанию и по формам музыка. Ученики далеко ушли вперед от

своих учителей. В эту эпоху искусство окончательно освободилось от узко церковного служебного положения. В это время и в истории церкви были настолько сильные потрясения, что ей было не до цензуры за искусством. С одной стороны, в Риме, перковь боролась за политическое влияние, и ее представители в своей жизни ничем не отличались от князей Италии и даже превосходили их роскошью, любовью к светской пышности и языческому искусству. В Северных же странах реформация свела церковь с чисто религиозной высоты средневекового католичества к буржуазному протестантизму, лишенному пышности обряда в формах богослужения, и глубокого мистицизма в содержании его.

Третья струя религиозной мысли того времени — религиозное сектанство — вальденцы, перекрещенцы, моравские братья и т. д. понимали религию, как социальное учение о равенстве. Церковь, последний раз дала свое высшее напряжение в энтузиазме Крестовых походов и параллельном с ними готическом искусстве. Во время Ренессанса было построено больше замков и дворцов, чем соборов, написано больше поэм и картин о красоте этого мира, чем мадонн и апостолов.

В это же время родились зачатки почти всех родов музыки от романса до оперы. Нужно помнить, что эта эволюция в искусстве от религии к "миру сему" была постепенной и долго сохраняла внешнюю религиозность. Совершенно светские картины Бенедто Готцолли и позднее Гирландайо были все-же написаны на религиозные темы. То-же было и в музыке и особенно в музыке Венецианской школы. Фламандскими мастерами были основаны школы в Венеции, Риме и Неаполе. Эти три школы в своем развитии обнаружили то-же различие, которое мы наблюдаем и в других искусствах этих трех городов.

В 1527 г. Адриан Виллерт из Брюж основал Венецианскую школу. Его заслуги в том, что он первый оставил фламандскую систему, которая опиралась на контрапункт и ведущий мотив одной партии, мало забо-

тась о гармонии и общем эффекте. Он снова ввел отдельные хоры старинного антифонного пения, оживив их новым содержанием. Последователями его были Киприан де Рор (1516-1565) и Парлино. Усовершенствовали стиль Виллерта Андреа Габриелли и Джованни Габриелли (1557-1613). У последнего в обработке аккомпанимента уже намечена впервые самостоятельная роль оркестра — начало чисто инструментальной музыки.

Музыка венецианцев, как и их живопись, начиная с Д. Беллини и кончая Тьеполо, колоритна, пышна и драматична. В отличие от венецианской, музыка Римской школы, основанной Клодом Гудимель (1505 — 1572) из Безансона, носит более строгий религиозный характер. В Риме слишком живы были старые традиции с одной стороны, с другой — Рим был колыбелью суровой Грегорианской школы пения. Оба эти влияния не могли не отразиться на характере музыки Римской школы. Венеция дала Тициана и Габриелли — Рим Рафаэля и Палестрину. Богатству и разнообразию венецианского колорита, его пышности, чувственности и реализму Рим противопоставил совершенство и строгость формы, идеальность, идейную содержательность и высокую религиозность. Наиболее совершенным выразителем Рима явился Джованни Пьетро Лунджи Санто, называемый Палестрино (1514-1594). Влияние его на всю эпоху было чрезвычайно велико. В то время было решено изгнать из церковного обихода полифоническую музыку, как мешающую молящимся сосредоточиться на священных текстах. Палестрина написал полифоническую мессу "Месса Папы Марцелла", слушая которую Папа Юлий IV воскликнул: "Иоанн представил в нашем земном Иерусалиме ту песнь, которую апостол Иоанн, охваченный экстазом, слышал в Иерусалиме небесном."

Запрещение многоголосных религиозных композиций было снято, а Палестрину был назначен главным композитором Папской Капеллы. После него осталось много произведений, из которых многие по силе и про-

стоте религиозного подема поражают и доныне. "Stabat Mater" для двух хоров, Мотет, "Песня Песней" для 5 голосов, "Salve Regina" и многочисленные мессы. Его музыка не для концертов, ее нужно слушать в церкви и там ее короткие, простые мелодии выявляют свою величавую гармоничность то в нежной молитве о милости и прощении, то в могучих аккордах прославления Бога. Только в церкви понятна эта музыка Генция не зависящая от капризов вкуса на протяжении столетий. Если в Венецианской школе мы уже находим элементы драматичности, субъективизма, — римская школа — эпична. В ней нет восторга или страдания отдельного человека — это голос Католической Церкви.

Современником Палестрины был Джованни Нанини (1540-1607), основавший вместе с ним знаменитую школу, из которой вышли Анерио, Гвидеччи и Анимучча. Началось декаданс римской школы представленное большими мастерами, много внесшими нового в полифоническую музыку, впервые начал выделять роль соло.

Грегорио Аллегри (1586-1652); его "Miserere" для двух хоров до сих пор исполняется в Великую Пятницу в Сикстинской Капелле. Бернабен, Беневолли и др. закончили эпоху. Ренессанс в искусстве не мог уже уместиться в рамках исключительно религиозных переживаний; слишком велик был подъем личности, слишком живо встал в памяти античный мир с его обогатворением земной жизни. Такие художники, как Беато Анджелино, пророки, как Савонаролла и музыканты, как Палестрина, несмотря на все свое влияние, все-же были одиноки. Музыка, не удовлетворяясь литургическим содержанием, искала новых, более свободных форм и начала их — "мадригал", один из видов пасторали от 3-х до 8-ми голосов. В нем, освобождаясь от Грегорианских влияний и от Cantus Firmus, свободнее звучит хроматическая тональность. По манере он еще мало отличается от мотета. Лука Моренцио (1550-1559), прозванный "сладчайший Лебедь Италии", особенно много работал над мадригалом. Другой

род композиций светского характера были: канцоны — песни, писавшиеся в более свободном стиле, чем мадригал. Близки к ним вилланелла, неаполитана и фроттола. В этом

стиле писали Марко Кара, делла Порта, Гастольди, Донато и другие.

Д. АЛЕКСАНДРОВ.

Нью Йорк.

ЗИН. ВЕНГЕРОВА.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

Имя Рабиндраната Тагора прозвучало впервые в Европе в 1913 году, когда ему присуждена была Нобелевская премия. Тагору было тогда около пятидесяти лет, и у себя на родине он признан был великим национальным поэтом. "Когда в Калькутте объявляют о чтении Тагора, пишет один очевидец, "то общественное здание, где он читает, обступают толпы людей, не попавших во внутрь, для того, чтобы хотя извне внимать звуку его голоса. Трудно представить себе, до какой степени Тагора любят на его родине. Песни его поют — с его словами и его музыкой — вдоль и поперек всей Индии."

Монтэгью, товарищ министра по делам Индии, рассказывает по поводу чтения драмы Тагора "Читра" в Лондоне, как он однажды ехал через лес в Индии и выехал на просеку, где несколько человек сидели вокруг огня. Он сошел с коня и тоже присел отдохнуть. К ним вскоре присоединился жалкий с виду, обтрепанный юноша. Сидевшие у огня стали каждый по очереди петь песни и, наконец, очередь дошла до юноши. Песнь его была прекраснее всех других по словам и мелодии. Когда его спросили, чья это песня, он ответил, что не знает, но что эти песни поют всюду. В другой раз Монтэгью снова услышал ту же песню, и ему впервые назвали имя Рабиндраната Тагора.

Норвежский санскритолог, который изучал Тагора для доклада Нобелевской комиссии, читал его произведения в оригинале, на бенгальском языке, и мог со знанием дела оценить связь лирики и рассказов Тагора с народным творчеством Индии, с древними "вайшанами" и "катами" индусских сказателей — катаков, существующих до сих

пор в городах и деревнях Индии. Но к европейским читателям Тагор пришел через Англию, в английских переводах, сделанных при таком близком участии автора, что они являются в значительной степени оригиналами. Английский биограф Тагора, Рис, видел черновики переводов: они сделаны самим Тагором и поправки редактора, ирландского поэта Йэтса, совершенно незначительны. Только уже некоторые позднейшие переводы драм Тагора на английский сделаны другими, и язык этих переводов значительно уступает "английским оригиналам" Тагора, т. е. переводам, сделанным им самим.

Факт этот знаменательный. Тагор певец и бытописатель сказочной, на половину старинной, на половину очень новой Индии. В его рассказах пленяет преданность трогательных любящих женщин. ("Мы часто говорим, — пишет Тагор в своих "Воспоминаниях", — и я сам верил, что преданность индусской женщины мужу нечто единственное в мире и никогда не встречается в Европе"), тихих и таких одухотворенных, космическая мудрость и веселость "mad chanti" — юродивых, сливающихся с природой в своей проникновенной простоте, величественная символичность простых занятий города и деревни, все его продавцы воды, молока, хрустальных запястий, безмолвная, но чуткая жизнь одухотворенных предметов, то "голодных камней" старого дома, то ступенек лестницы, спускающейся к реке, свидетельницы безмолвных, как она сама, но живых и глубоких мук молодой женщины, полюбившей святого отшельника. И люди, движущиеся в этих рассказах, люди напряженной воли и сосредоточенных ощущений, не только "народ", не только население за-

ставших в традициях быта деревень, но также молодая интеллигентная Индия. Среди происшествий, казалось бы вековой старины, казалось бы напряженности переживаний "Сакунтулы", часто поражают английские ученые титулы героев, разных "В. А.", "М. А." и соответственная общая образованность женщин того же круга.

Создается впечатление современной, как будто бы нашей действительности, но вместе с тем насквозь проникнутой духовностью иного, совсем иного мира. В лирике и драмах Тагора играют, радостно смеются и улыбаются миру дети и мудрецы, воспеваются любовь, радость скитаний, дороги, свет, таинственные властители, которых ждет трепетное сердце путника, природа в тысяче передвигающихся образов — целый мир живых зрелищ и скрытой за ними вечной сущности, и размышления Тагора в стихах, вернее песнях, и в прозе его поэтических книг на философские темы сливают каждую черту отдельного существования с жизнью в безконечном.

Весь этот особый мир Тагора раскрывается, однако, европейским читателям не как чистая экзотика именно потому, что Тагор сам так естественно и свободно вливает его в формы английской художественной речи, знаменуя этим свою близость к западному миру. Для Европы Тагор при всей своей восточности писатель общеп мировой, приобщенный к духовному прошлому Запада — и даже к новейшим течениям западной литературы. Он бывал в Англии и в юности и в зрелые годы, отчасти там учился, и у себя на родине тоже изучал и чутко воспринимал европейские веяния. Для него, как и для всей молодой индусской интеллигенции его времени, европейская литература, европейская мысль была откровением. Он рассказывает в "Воспоминаниях" — одной из лучших его книг, отражающей глубину и в то же время особую поэтическую легкость его духа, его умудренный ясный юмор, — что европейские веяния были для него и его сверстников скорее возбуждающим средством, нежели подлинным питанием для духа. Их пленяла сила страсти у тогдашних

их богов — Шекспира, Мильтона и Байрона. Они воспринимали европейскую литературу под знаком вакхизма: "Вакхический дух Европы проник в нашу сдержанную, благовоспитанную общественность и пробудил нас к жизни. Нас ослепил блеск свободной от всяких тормазов жизни, проливаясь на сердца наши, сдавленные гнетом привачек, жаждавшие раскрыться навстречу миру."

Влияние современной литературы, близкого ему по духу символизма, и в особенности Метерлинка, тоже в значительной степени отразились на Тагоре. Благодаря такому исключительному слиянию древних национальных корней его творчества с достижениями изысканнейшей новизны в европейской литературе, Тагор представляет собой совершенно обособленное явление современной духовной жизни. У себя на родине он возглавляет новое, свободное искусство. Поэт и музыкант — нужно помнить, что лирика Тагора в оригинале не стихи для чтения, а песни, исполняемые на им же сочиненные мотивы, — он внес много европейских ритмов и мелодий в свои песни, и в "Воспоминаниях" сам говорит о том, что соединил национальные мотивы с европейскими. Он создал также музыкальную драму, и к этому роду драматического творчества относится его драма, получившие теперь мировую известность. Тагор — новатор в своем национальном творчестве. Он — Пушкин для Индии. Для нас же, для Европы, он знаменует возможности взаимопонимания между подлинными переживаниями Востока и культурой Запада.

От Индии Тагора веет чем то совершенно иным, чем все, связанное с нашими обычными представлениями о восточной, в особенности, об индийской мудрости. Мир Тагора — полная противоположность той полудумывленной буддийской Индии, Индии Нирваны, которую облюбовал европейский пессимизм и все шопенгауэровское течение в европейской литературе — со всеми его отголосками и параллельными явлениями. Мир Тагора противоположен и той аскетической морали, той отреченности от

внешнего мира и связанных с ним чувств и ощущений, которую черпают из древних учений Индии теософы, проповедуя самоуглубление индийской мистики.

Тагор ставит свободу выше добра и противопоставляет мироотрицанию и Нирване утверждение мира в радости. Он рассказывает в "Воспоминаниях", что с самого детства в нем сильна была жажда свободы от всего установленного и что он часто проводил ночи без сна "только из потребности поступать наперекор установленному." А в зрелые годы чувство свободы привело Тагора к почти анархическому отрицанию всякого идущего извне закона над душой человека. Как близки нашей современности и полны всепонимания слова Тагора о своем чувстве свободы. "Оно привело меня к тому", говорит он, "что я стал страшиться не столько зла самого по себе, сколько тиранических попыток создавать добро. Ко всякой карательной политике, будь то в вопросах государственных или в вопросах морали, я питаю священный ужас."

Так мог бы говорить А. Франс, предпочитающий кающихся грешников высокомерным праведникам; но Франс скептик, а Тагор обогащает европейское чувство свободы, созданное нашим эмоциональным опытом (оно и привлекало Тагора к европейской литературе, воспринимаемой им под знаком вахизма), духовностью, идущей у него из восточных глубин.

Свобода особенно дорога Тагору тем, что она путь к обретению себя, к самоутверждению личности, а личность он понимает чисто духовно в ее отношении к безличности, отраженной в мире. Но свобода заключается для него не в отречении от мира, не в аскетизме, а в разрушении всех преград, связующих волю. "Свобода", говорит он, "сначала разбивает закон, а потом создает законы, дающие власть над собой."

Таким образом, свобода становится для Тагора путем мистики, путем познания безконечного в конечном: проповедуя ее, он несет нам заветы восточной мудрости, обретаемой на путях нового современного, нашего опыта.

Проповедь внутренней свободы, оправ-

дание "духа противоречия" как необходимого пути к конечной простоте совершенной Истины, к единению со всем в мире узлами безпредельной любви" определяет не только художественное, но и жизненное творчество Тагора. Она сделала его учителем не только в высшем, но и в непосредственном смысле. Тагор основатель и руководитель Шанти Никетан, (принят мира), школы для мальчиков близ Болпура, осуществляющей где то в глубине Индии самые смелые, можно сказать, анархические идеалы свободной школы. "Назначение человека заключается в приятии мира, а не только в познании его", говорит Тагор, и воспитание должно поэтому "не только давать знания, но также гармонично сливать нашу жизнь с жизнью бытия."

Такова цель Шанти-Никетан, откуда Тагор изгнал всякую дисциплину, заменив ее свободной жизнью детей среди природы и свободным преподаванием всего, что сближает детскую душу с жизнью вселенной. Некий педагог посетил школу Тагора и очень удивился, когда один из учеников взобрался при нем на дерево, чтобы там учить уроки. Тогда Тагор объяснил ему со столь обязательным в нем мудрым юмором, что "детство единственная пора, когда культурный человек имеет право выбора между ветвями деревьев и стулом в гостиной. Зачем же мне отнимать у своих воспитанников эту привилегию только потому, что я, как взрослый, лишен ее сам?" Тот же педагог, — продолжает Тагор, рассказывая об этом эпизоде, — согласен, что мальчикам следует изучать ботанику. Он стоит за безличное знакомство с деревом, потому что это — наука, но протестует против личного общения с деревом. А свободное обучение в школе Тагора на том и основано, что мальчики входят в непосредственное личное общение с природой, что они изучают не только географию, но и землю, по которой бегают босиком, что они живут простой жизнью среди досуга, ширины и глубокого покоя природы, и никакая искусственность школьной науки не затемняет их духовного горизонта. Так в них зреет завершенная ве-

ра в вечность мировой жизни, так достигается высшая цель, которую преследует Тагор, цель религиозного воспитания. "Религия," говорит Тагор, "не есть нечто частичное и не поддается распределению по дневным или недельным порциям, как один из предметов школьной программы. Религия — истина всего нашего существа, сознание нашего личного соотношения к бесконечному." И тут, в деле жизни Тагора, каковым являются для него Шанти-Никетан, конечная цель его устремлений религиозная, и свобода путь к ней.

Путь, которым идет Тагор, обуславливает основную черту его творчества — радость. Откровения радости мира самое характерное в поэзии как и в учении Тагора, то, что отделяет его от аскетической мудрости Индии и делает его для Европы носителем преображенной идеи Востока. Зрелища мира для Тагора — не мираж, не обманно-соблазнительные покровы Майи, а сама сущность, ибо каждая частица бытия откровение бесконечного. И поэтому отношение Тагора к миру — неизбывная радость, "радости достижения бесконечного в конечном", как ее определяет сам Тагор.

"Истина", говорит он еще в другом месте, "поток, который течет от бесконечного к конечному — и отзывное эхо истины возвращается в бесконечное, как Радость и Красота." Так он разъясняет настроение одного из своих ранних стихотворений, "Эхо", вошедшего в сборник "Утренние песни." Он вложил в него всепроникающую радость бытия, отраженную в чувстве молодого поэта, впервые изливающего в песне полноту своего сердца. Чувство это так же неопределимо, как неопределим запах цветка. Можно только сказать, как поясняет Тагор, что "запах — тот образ, который радость мира принимает в цветке."

Отношение Тагора к природе тесно связано с его чувством радости. "Красота природы," говорит он, "не мираж воображения. Она отражает радость бесконечного и потому будит желание погрузиться в нее в полную самозабвения." Такое чувство к природе, ко всему живому в мире полнее всего сказывается в драматической поэме Тагора

"Местъ природы", одном из ранних его произведений, намечающем, однако, внутренне содержание всего его дальнейшего творчества. Герой поэмы, отшельник, "сан'язи" понял, что великое обретается в малом, бесконечное в пределах оформленного и вечная свобода души в любви, ибо только в свете любви все границы стираются в безпредельности.

В "Местъ природы" изображены с одной стороны путники и поселяне, довольные доморощенной обыденностью своей жизни, не сознающие, что есть что либо за пределами ее — а с другой, "сан'язи", выбрасывающий всю свою личную жизнь, всего себя в самодельную бесконечность, измышленную его воображением. Когда любовь перекидывает мост через разделяющую их бездну, когда отшельник сходит с обитателем дома, то кажущаяся будничность конечного исчезает так же, как и кажущаяся пустота бесконечного.

Мотив этой драмы постоянно повторяется в творчестве Тагора. "Основная тема всех моих писаний", говорит Тагор в "Воспоминаниях" — "радость достижения бесконечного в конечном." В этой метафизической радости его писаний и коренится притягивающее европейских читателей единство Тагора, — его восточная мистика устремлений к бесконечному и утверждение мира в любви и радости, т. е. в достижениях греко-христианского мира нашей западной культуры.

Учение Тагора тесно сливается с чисто поэтическим обаянием его творчества. Он прежде всего являет нам образ поэта, прекрасного в особенности тем, что он приносит нам с востока: насыщенной символической своей нежной и прозрачной поэзией, своей чарующей образностью, которая превращает в жизнь и движение каждый предмет, каждую подробность в природе.

Лрический символизм Тагора — черта, тесно связывающая его с национальными традициями, с привычной в Индии манерой "переводить язык земли на язык небес" по определению одного критика. Рассказывают, как один неграмотный индусский сказатель

пел песню знаменитого поэта Чанди Даса: "Ночь темна и ступились тучи," говорится в песне. "Как же ты, любимая, сошла в сад по тропе? Вот сад. Я вижу как в нем льет дождь и сердце мое разрывается." Песнь заканчивается словами: "сказание об этой любви принесет радость миру"...

Старик — сказатель пел эту песню и заливался слезами. Когда его спросили, почему он плачет, — песнь Чанди Даса ведь чисто любовная и ничто в ней не будит грусти — старик ответил, что то, что он пел, было иное: "Я преисполнен греха. Душа моя покрыта мраком. В моем глубоком отчаянии я призывал милосердного Бога, чтобы он пришел ко мне. И он пришел, и я увидел его ожидающим меня у ворот моего дома." Слезы душат меня при мысли о его милосердии. "Ночь темна и ступились тучи. Как же ты, любовь моя, сошла в сад по тропе."

Такова и символика — в сущности это символика "Песни Песен" — лирических сборников Тагора: "Садовника", воспевающего молодую любовь в песнях, где все призыв и ожидание, где вся природа застывает, когда девушка ждет своего возлюбленного, и даже вода умолкает "точно копье на коленях заснувшего стража", "Гитанджали", сборника гимнов высокой любви, прислушивающейся к зову, идущему из небес, из света, из запаха цветов, "Прибывающего месяца" — сборника детских песен и других.

Насквозь символичны драмы Тагора, в особенности лучшая из них "Царь темного покоя." В ней мистика Тагора достигает большой высоты образных воплощений: радость мира, тайники познания вечного, ведущие к торжеству радости на пыльных дорогах, возсозданы в вечных образах правды и лжи, истинного царя и самозванца, в образах самозабвенной женской преданности и иной, противоположной ей любви, проходящей в муках весь путь сомнений и искушений. В "Читре" символика любви, идущей высших достижений, тоже облечена в подлинные образы восточной мифологии, но с таким же мастерством Тагор облачает самые высокие — небесные — замыслы в об-

разы бытовые, обиходные. Такова его драма "Почта", в которой больной мальчик ждет возмещенного ему таинственного письма, и вся трагедия надвигающейся смерти и чаяний безмертного духа облечена в подробности, связанные с жизнью улицы, с зданием почтамта (казалось бы, что может быть прозаичнее) с людьми, идущими мимо окон деревенского дома. Свет духа пронизывает в этой драме самую обыкновенную действительность. Именно в "Почте" более всего сказывается влияние европейского модернизма на Тагора, главным образом влияние Метерлинка. Но это не умаляет самобытности Тагора, восточной благоуханности его символизма, а только приближает его к нам, сливая мифотворчество востока с настроениями европейской поэзии.

Символизм Тагора сказывается не только в его драмах, не только в его стихах, но и во всех книгах на — казалось бы — отвлеченные темы, в книгах, излагающих его учение. Во всем, что он пишет, Тагор прежде всего поэт. Его главная сила — поэтическое воображение, одухотворяющее слова, превращающее каждую мысль в живой образ, проникновенный, нежный и часто облеченный тонким юмором. Воображение превращает для него весь мир в видение рая, в котором он представляется себе сам как бы вечным ребенком. Таким он изображает себя в самом особенном и поэтически верном из своих литературных автопортретов. Такие автопортреты не раз встречаются в книгах Тагора: он умеет видеть себя со стороны и изображать себя правдиво, тонко и с особым, поэтическим юмором, знаменующим свободу ищущего духа. Портрет, о котором мы говорим, находится в обращении Тагора к японским студентам в Токно, которым он читал про свою школу в Шанти-Никетаве, и словами Тагора о себе, сказанными в Токно, мы заканчиваем наш беглый очерк о нем: "Я знаю, милые, юные друзья, что я несколько пугаю своим страшным видом, седой бородой и белыми волосами, длинным индийским одеянием. И люди, которые знают меня только по внешности, велепо ошибаются, думая, что я старик,

придвигают мне кресло и являют ко мне почтительность, держась как можно дальше от меня. Но если бы я мог показать вам мое сердце, вы увидели бы, что оно зеленое и молодое, моложе чем у многих из вас, стоящих предо мною. И вы увидите, что я еще достаточно дитя, чтобы верить во многое, что стыдятся признать в наше время взрослые со своим высшим знанием и даже школьники вслед за ними. Другими словами, я верю в идеальную жизнь. Я верю,

что в маленьком цветке есть жизнь, скрытая в красоте и что она выше силы пулемета. Я верю, что в песне птички природа проявляет себя с большей мощью, чем в оглушающем шуме пушечной пальбы. Я верю, что есть идеал, царящий надо всей жизнью, идеал рая; он не плод одного воображения, а конечная действительность, и к ней устремлено движение всего бытия."

ЗИН. ВЕНГЕРОВА.

РОЗА СТРАДАНИЯ

Серые осенние сумерки окутали огромные дома — небоскребы. Густой туман, разливаясь кругом, старался, казалось, загасить бесчисленные огни витрин и превращал фонарные столбы в какие то гигантские тени. Хмурилось суровое небо и посылало на землю пронизывающую изморозь. Но, несмотря на все это, огромный город жил своей кипучей жизнью. Гудки мчавшихся авто смешивались с грохотом поездов, толпы людей безудержно стремились куда-то... Роскошь и нищета, добродетель и пороки, — все смешалось в этом огромном хаосе.

Затерявшись, среди волн людей, маленькая девочка, с измученным лицом и недетской тоской в огромных темных глазах, просила милостыню. Прохожие не замечали протиснутых оочевневших рученок, и слабый голосок ребенка терялся, как крик чайки в безбрежном океане. Продрогшая, голодная девочка поплелась домой. Минував несколько кварталов, она пересекла грязную от осенней слякоти площадь и, наконец, подошла к большому каменному дому, который выглядел еще более хмуро, чем осенний день. Пробравшись к себе в подвал, где царил нищета со всеми ее ужасами, она подошла к постели, на которой лежал больной музыкант — отец девочки. На землисто-темном лице его ужасный недуг наложил свою грозную печать. Больной стоял и тихо вздрагивал. Когда он увидел дочурку, то что-то, похожее на улыбку, засветилось в его потухших глазах. Девочка броси-

лась к отцу и заплакала горькими слезами: "Папочка, бедный мой папочка. Я ничего тебе не привнесла. Я просила, именем Бога просила всех помочь мне, но никто ничего не дал. Какие злые страшные люди — они наверное не имеют сердца." Отец с трудом проподнялся, привлекая к себе свою дорогую девочку, тихо гладил ее по головке, стараясь хотя немного облегчить страдающего ребенка.

Утомленная кошмарами дневных переживаний, девочка заснула под тихой ласковой отца, нервно вздрагивая во сне. "Сколько горя еще тебе готовит жизнь, мое бедное дитя, и я, твой отец, я ничем не могу помочь тебе. Я — ухожу, оставляя тебя в этом огромном мире совершенно одинокой и никому ненужной." Страшный приступ кашля прервал горестные размышления больного. А потом наступило забытие... Ангел Смерти простер свои крылья над больным музыкантом и унес его душу в прекрасный звездный мир, а последний вздох страдания, сорвавшийся с уст умершего, поднялся ввысь маленьким облачком и понесся над усталой землей.

Розовая заря тихо дотгорала на вечернем небе, провожая еще один день в вечность. Ночь — волшебница зажгла вереницу ярких звезд. С полей несся запах созревших хлебов, в лесу тоскливо куковала кукушка, изредка замолкала, прислушиваясь к трелям влюбленного соловья. Вскоре выплыла па-

рица ночи — Луна, заливая все своим чарующим голубым светом.. Лунные лучи, обходя дозором землю, проникали всюду. Несмотря на тяжелые замки и толстые железные решетки, Луна заглянула в тюремные окна. Бледные лучи ее осветили в одной из камер, молодое красивое лицо юноши. Смертельная тоска сжимала его сердце: ведь он знал, что ему осталось жить всего только несколько часов. Он видел как в тюремном дворе велись приготовления к казни, и холодный ужас заливал его душу. Жизнь казалась ему такой прекрасной, такой заманчивой... С невыразимой горечью представлял он себе тот момент, когда его мать, когда его славная, милая старушка — мать, узнает о его смерти...

— Боже! За что столько страдания..

Когда Луна стояла в небе высоко, заливая своим сиянием мерцание далеких звезд, на тюремном дворе раздался залп и молодое сердце, полное жаждой жизни, умолкло навсегда.

В это время над местом казни пролетело облачко, но увидев бледную тень юноши, медленно поднимавшуюся в лунных лучах, — облачко остановилось и стало больше и темнее и, закрыв на несколько мгновений опечаленную Луну, оно быстрее и ниже понеслось над землей.

**

Заунывно гудят колокола, разнося всюду весть, что в час полночный, в час, когда все кругом засыпает, в стенах монастыря собираются люди, отдавшие себя на служение Богу, чтобы молиться о грехах мира. В одной келье, склонившись перед распятием, с крепко сжатыми руками на груди, стоит девушка. Взор ее устремлен на Распятие: губы, потрескавшиеся от внутреннего жара, тихо шепчут молитву.

— “Господи! Господи, спаси меня. Я искала Твоей вечной истины, любя тебя, я пришла за эти мрачные угрюмые стены, а здесь у меня убили все, убили любовь к красоте, к милосердному Богу и остался только один страх наказания, вечный страх перед Тобой. Господи! Алеский пламень сомнения сжигает мне душу. Я — изнемогаю,

помоги мне, помоги”... И, молодое тело, конвульсивно вздрагивая от рыданий распростерлось на холодных каменных плитах, перед Распятием, слабо освещенным тихо теплившейся лампадкой.

А пролетевшее над монастырем облако совсем потемнело и стало еще больше. И по мере того, как оно несло над землей, слыша стоны и проклятья людские, оно превратилось в огромную грозовую тучу, так что вскоре закрыло солнце и погрузило землю в мрак. И понеслись к небесам детские молитвы о светодателе-солнце, молитвы чистые, как утренняя роса, и послан был им с неба Ангел Утешитель. Когда же Ангел подлетел к земле и увидел клубившуюся черную тучу человеческих кошмаров и страдания — сжалось тоской его ангельское сердце и слезы участия блеснули в прекрасных очах. Взмахнув крыльями, дивный божитель вынул из груди свое сердце и бросил его в тучу человеческого горя. Закипела туча, вспыхнула бесчисленными молитвами и страшным ураганом понеслась над землей, сокрушая на своем пути виновников ее появления. И никто не ушел от ее мстительной разрушающей силы...

Снова показалось ласковое солнце, заиграло бесчисленными огоньками в капельках росы, зори попрежнему ткали свои прихотливые узоры, встречая и провожая акавариновые звезды...

А на том месте, куда упала Божественная кровь раненого людскими страданиями сердца Ангела, — выросла дивная красная роза. Эта роза обладала чудесным свойством — она будила своим ароматом людскую совесть. Но никто не знал тайны ее появления на земле. Влюбленный соловей, плененный красотой и ароматом красной розы, распевал в честь ее гимны. Раз, голубой ночью, когда истома усыпила дремавшие цветы, а благоуханье красной розы волнами разливалось кругом, — соловей не в силах был сдержать своей страсти. Тихо опустившись на розовый куст, он нежно целовал ее яркие лепестки. Тихо дрожа, сказала роза соловью великую тайну сво-

(Окончание на 42-й странице.)

Д. Х. РАНСОМ.

СОВРЕМЕННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Среди многих известных американских писателей, — включая сюда и английских, так как как успех на одной стороне Атлантического океана быстро переходит на другую сторону, — трудно найти сколько ни оудь выдающуюся личность, ибо все знаменитые писатели являются хорошими специалистами. У всех этих писателей есть что то общее, какой то общий тон, в сторону которого и клонятся все их рассказы. Будет ли это история, старая мебель, жизнь в малом городке, атлетика, убийцы или же собаки, но очень редко тот или другой известный писатель оставляет свою любимую тему.

В области поэзии Эдгар Гест занимает выдающееся место как по качеству, так и по количеству творчества. Он не имеет соперника. Год за годом он пишет 6 стихотворений в неделю. Его вещи — маленькие и простые, как, например, “Нужно много жизни, чтобы дом превратить в домашний очаг”, но когда видишь рост его творчества, невольно удивляешься, каким образом его стихи достигли такой популярности и оригинальности. Он был назван “народным поэтом.” Он пишет о народе, о жене, которая ждет целый день мужа, а затем слушает по телефону следующее: “Я не буду дома до поздней ночи, не ждай меня на ужин”; пишет он также о капризах, о любопытствах и любезности его маленькой дочери; об удивлении матери, узнающей, что ее дочь становится невестой, и что родители жениха думают об этой свадьбе, как о какой то легкой сделке.

В мире балетистики имеется очень много имен.

Джин Портер специализировалась на рассказах о земле, о земледельцах и деревенской жизни. Ее рассказ “Садли” посвящен деревенской жизни в штате Индиана. “Молотильщик” — рассказ о человеке, который сев медицинских трав вместо обыкновенных знаков. “Пчеловод” — рассказ об од-

ном старике, который сажал цветы, собирал мед и создавал о каждом цветке чудесную сказку, не соответствующую совершенной действительности.

Рафаэль Сабатини имеет пристрастие к истории. Любовные сказания с исторической основой являются его излюбленными темами. Его “история” распространяется на Италию, Англию и Америку. В своих сочинениях он соперничает с Майером, чьи сочинения “Когда рыцарство было в расцвете”, рассказ о сестре Генриха Восьмого и “Очаг и монастырь” были долго уважаемы.

Зане Грей сосредоточивается на сказаниях пустыни и прерий Запада.

Карл Анели, большой охотник и натуралист, пишет о странных землях, которые он видел и о диких животных.

Встречая имя Альберта Тергена, вы не можете забыть того, что он не мог найти темы для рассказа, пока не увидел жизнь собак.

Некоторые писатели создают свою атмосферу, как Д. Макнутчен с его царством эротических фантазий о Граустарке, куда он постоянно вплетает какую нибудь новую любовную историю.

Эдгар Борроус описал две чудесные земли: одна оказывается на Марсе, со страшными и чудесными жителями, обычаями и сценами, а другая в зарослях Африки с большими обезьянами и двумя белыми человеками, находящимися там в качестве актеров.

Но большинство, как Маркосон, описывают жизнь так, какой ее находят. В этой области Маркосон не может быть превзойден. В его писаниях отражаются условия жизни во всех частях света. Каждая часть рассказа является проникновенной, острой и правдивой. Его очерк “Что после Ленина” оказал ему хороший прием со стороны большевиков и дал ему возможность приехать в Россию, если он этого пожелает.

Некоторые писатели любят останавлива-

ться на географии и истории, соединяя их с романом, как Эмерсон в его "Крытом вагоне", "Севере за 36 градусом" и других книгах.

Джон Джуниор тклет свои сказки на фоне жизни горцев Кентукки, и также пишет о споре и вражде штатов.

Другие писатели, как Грация Лутс, пишут на разные темы, но и в них можно найти те же основы и очертания. Рассказы Лутс не всегда приятны по содержанию. Есть у нее рассказ о богатом молодом человеке с роскошными обедами. Ее "Очарованный сарай" есть прекрасная сказка об одной семье, которая не могла найти себе дома, и в конце концов наняла себе старый каменный сарай и превратила его в роскошный дом. Недавно она опубликовала еще лучшую вещь "Новое имя." Это рассказ об одном распутном человеке, под автомобиль которого попала девушка. Думая, что он ее убил, он отвез ее в больницу, а сам убежал. Он долгое время скрывался, но его поймали. После этого он заявил, что он новопринезжий, и что его имя другое. К своему удивлению, он нашел, что его новое имя принесло ему новую репутацию, доведшую его до отчаяния.

Флоренс Баркли написала несколько известных книг и вместе с г-жей Лутс имеет духовный уклон. Ее книга "Путь звезды" является рассказом о богатой и гордой девушке, влюбленной в бедного гордого чело-

века. Нельзя вспомнить всего рассказа, так как больше всего запоминаются отдельные эпизоды, как, например, о пророке Езикилии, когда путь этой звезды лишил его зрения и заставил его молчать об этом.

В таком же духе пишет и Марион Крауфорд. Ее "Белая сестра" была переделана в популярную кино - картину. Это рассказ об итальянской девушке, возлюбленный которой ушел на войну и оказался как будто пропавшим. Когда он вернулся домой, он нашел, что она приняла обет монашества, стала белой сестрой.

Беатриса Бертон пишет о современной жизни со всем ее разнообразием. Известен ее рассказ "Модная жена."

Бен Виллиамс специализируется на рассказах об убийствах и тому подобных историях. Стоит прочесть только несколько строк, чтобы узнать автора.

Вилл Роджерс специалист в юморе, придерживающийся какой то ужасной орфографии и грамматики. Он нарочно назвал свои работы безграмотным переваром. Он выставил сейчас еще большую безграмотность в своих "Письмах самодельного дипломата к его президенту." Это тот самый юморист, о котором вспоминал принц Уэльский, говоря, что у него бывает иногда желание, чтобы Лондонская Башня (тюрьма для личных и политических врагов короля) функционировала как и раньше. Роджерс снисходительно писал о верховой езде принца Уэльского.

РОЗА СТРАДАНИЯ

(Начало на 40-й странице.)

его прекрасного рождения, рассказала, что людские муки и страдания вспоили ее. С этих пор соловей распевал гимны не только красоте и любви, но воспевал также и великое Страдание, которое дало жизнь его божественной красной розе.

ЕЛЕНА ГРАДИНА.

Москва.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Проф. ДЖ. ГРИВС.

ЗАГАДКИ ЖИЗНИ

С английского.

Едва ли найдется много людей, доживших до известного возраста, которые не задавали бы, по крайней мере себе, вопросов: Что такое жизнь? Откуда она исходит? Чем отличается живущее от безжизненного?

Эти вопросы оставались загадками столетий. Философы ломали над ними головы; ученые удалялись в свои лаборатории, пытаясь вырвать ответ у природы. Мы видим, что с самого рассвета истории, человечество занимается этими важными вопросами, и сегодня, по уверению некоторых, мы так же далеки от разрешения их, как и примитивный человек, выходящий из своей пещеры с дубиной в руках на убийство живущего, ради сохранения собственной жизни. Но, как бы то ни было, вопреки уверенности многих, изыскания дали, на самом деле, богатые плоды. Историю этих попыток и достижений мы и хотим вкратце проследить.

Род людской подобен ребенку в том, что у обоих на ранних ступенях развития воображение является доминирующей чертой. Поэтому, первые писания о происхождении жизни в высшей степени фантастичны. Древние греки представляли богиню Гею матерью человечества: по их великолепной мифологии мужчины и женщины порождались из камней, разбросанных по земле. Кельты изображали землю населенной гномами и феями, друзьями или врагами людей. Многие древние писатели химерически описывали превращение мертвой материи в живую. Греческие философы поучали этому. Так, Аристотель писал в 384 г. до Р. Х.: "Животные иногда зарождаются в почве, в растениях или в других животных."

Тремя веками позже, Овидий, в своем трактате по поводу философии Пифагора, защищает учение о самопроизвольном зарождении, тогда как Виргилий в своих "Ге-

оргиках" дает указания для искусственного выращивания пчел.

Парацельс (1492-1541), швейцарский медик-философ, перенутивший действительность с фантазией, дает предписания для фабрикации Гомункул'а (искусственного человека): поместив в бутылку определенные вещества, хорошенько ее закупорить и жечь в навозной куче; ежедневно надо произносить над бутылкой известные заклинания. Со временем, по заявлению Парацельса, в бутылке появится маленькое живое существо. (Гомункулас). Парацельс наивно признается, что ему ни разу не удалось удержать маленького человечка живым по изгнанию его из бутылки. Кирхер зашел еще дальше: он описывает и даже представляет рисунки животных, которые, будто бы, на его собственных глазах, сами по себе зарождались из кусочков растений.

В середине шестнадцатого века, Кардано полагал, что вода произвела рыб и других животных и что вода является причиной ферментации (брожения). Итальянец, Бонаини, рассказывал об удивительной трансформации, которой он, якобы, был свидетелем: гнилое бревно, вытащенное им из моря, произвело червей, из которых появились бабочки, и, удивительнее всего, бабочки сделались птицами и улетели.

Постепенно эти забавные фантастические мнения относительно происхождения жизни были оставлены, и полагалось, что только низшие растения и животные: водоросли, мхи, виш, клещи и личинки — могли образовываться сами по себе.

Даже сегодня вы встретите довольно интеллигентных лиц, которые верят, что клещи и виш могут появляться и развиваться без родителей, и что волос из хвоста или гривы лошади переменится в червя или

змею, если будет положен в воду и подвержен влиянию света и теплоты.

Каждый принимал за явный факт, что личинки зарождались сами по себе из разлагающегося мяса или сыра до тех пор, пока итальянский поэт и врач, Рэди (1626-98), не принял простой предосторожности и не накрыл отверстие посуды с мясом, дабы не допустить туда мух. Запах привлекал мух, и они клали их яички на газовую материю-покрышку, а уже из яичек появлялись, так называемые, личинки.

Около середины семнадцатого века, теория зарождения "само по себе" мышей, скорпионов и личинок была показана несостоятельной. К тому же времени Лювенгок открыл разнообразные микроскопические живые движущиеся существа в дождевых каплях, в слюне и во многих гниющих веществах.

Тогда все уверились, что, наконец то, было найдено начало жизни, ибо всякий, при помощи этого нового инструмента — микроскопа, мог наглядно показывать себе зарождение "само по себе" микроскопических угрей в уксусе, или же производить мириады разных интересных созданий в простой настоялке из сена, или из других органических веществ.

Католический священник, Нидгам, в 1745 году, поместил разлагающееся органическое вещество в закрытый сосуд, а сосуд поставил на горячую золу, дабы убить всякую жизнь в нем. Исследовав содержимое сосуда через некоторое время, он нашел там микроорганизмы, которых раньше там не было. Из этого он вывел теорию, что существует сила "производящая", или "растительная", которая и является причиной образования новых организмов. Великий натуралист, Бюффон, выработал теорию, что есть некоторые неизменные элементы, общие всем живым существам. После смерти, эти первоначальные составные части, якобы, освобождаются и начинают действовать одно на другое и еще на другие частицы, и, таким образом, порождают рои микроскопических живых существ.

В 1769 году Спаланцани повторил опыт

Нидгама. Он кипятил вещество в течение часа в герметически закупоренных фляжках. Он писал: "Я употреблял герметически запечатанные сосуды. Я держал их в течение часа в кипящей воде, и, после достаточного промежутка времени, открыв и исследовав их содержимое, я не находил ни малейших следов микроскопических существ, хотя я и исследовал настой в девятнадцати различных сосудах."

Однако, верящие в теорию зарождения "само по себе" не были убеждены этими доводами и заявляли, что кипячение изменяло характер настоя, и последний делался негодным для произведения жизни. Вольтер, со свойственным ему сарказмом, вмешался в спор и высмеял английское духовенство, "которое производило угрей (червячков) в подливке к вареной баранине" и остроумно заметил: "Странно, что люди отрипают Творца, а себе самим, всетаки, приписывают силу создавать угрей." Однако, это было разногласие, которое улажено не насмешкой, а лишь опытным доказательством.

Спаланцани ответил на их возражения тем, что разбил одну из фляжек: с доступом воздуха началось немедленное разложение. Но и этого не было достаточно для опровержения векового поверья. Сторонники "самозарождения" спорили, что "запечатанные фляжки исключало воздух, а кислород воздуха необходим для зарождения жизни."

На это возражение было отвечено работами многих остроумных исследователей. В 1836 году, Шульце, пропустил воздух через сильные кислоты, впускал его в кипяченые настои: никакой жизни не замечалось в настоях даже спустя значительное время. Швани, с теми же результатами, пропускал воздух через сильно нагретые трубки.

Противники представляли довод, что "жар и химические вещества так изменяют физический и химический состав воздуха, что последний не может уже порождать жизнь." Работа Прелера и Деша была более убедительной: они нашли, что достаточно хорошо закупорить бутылки с прокипяченным молоком, мясом или другими портящимися

веществами, и они могут сохраняться бесконечно долго.

Но и этого не было довольно для опровержения веры в "самозарождение", ибо еще в 1859 году Пастер вызвал к жизни эту теорию в книге, где он нагромоздил целую кучу опытов и доводов, приправленных логикой и сарказмом человека науки, в защиту "самозарождения". Ему возражал Пастер, который, собрав частицы в воздухе вокруг своей лаборатории на улице Ульм и подвергнув их микроскопическому исследованию, посеял их в стерилизованные растворы и получил обильный урожай из микроскопических организмов. Он показал, что причиной, сообщавшей жизнь в растворы, являются живые организмы, рассеянные далеко неравномерно повсюду, а, напр., в мастерских и на оживленных улицах Парижа их очень много, но поверх высоких гор и ледников воздух, обычно, свободен от живых существ. Он показал, что мясной бульон, стерилизованный в фляжках с горлышком на подобие шеи лебедя, не портится, если он и будет открыт доступу воздуха. В Соед. Штатах, еще в 1922 году демонстрировали такую фляжку с мясным бульоном, которую, как уверяли, Пастер приготовил более 50-ти лет назад. Бульон был еще прозрачен и свободен от признаков жизни в нем.

Весною 1864 года почти весь Париж присутствовал на одной из лекций Пастера, в которой он яро и с презрением к своим противникам обрисовал свои выводы по поводу происхождения бактерий. Он заявил: "Нет никаких оснований в настоящее время, ни условий, дабы утверждать, что микроскопические существа появляются в мире без зародышей, или без родителей, подобных им. Утверждающие являлись жертвой заблуждений, плохих экспериментов, полных ошибок, которых они не могли избежать и не знали как исправить." Затем, с особенной красотой речи, он описывает, как он наблюдал и умолял свои фляжки дать ему признаки жизни, но они не могли: "ибо я не допускал в них, и все еще не допускаю в них ту вещь, создать которую свыше сил

человека — я не допускаю в них те микробы, которые плавают в воздухе; я не допускаю в них жизнь."

Таким образом, был установлен принцип, что жизнь берет начало только от жизни. С точки зрения благополучия человечества это было величайшим открытием, сделанным человеком, ибо на этом открытии выросли те три науки, которые сделали так много для предотвращения, облегчения и исцеления людских болезней: бактериология, патология и хирургия.

Теперь мы можем только гадать о происхождении жизни на этой планете. Наиболее выдающиеся теории могут быть сведены к следующим:

Витализм имел своих поборников в течение веков и достиг верха своего влияния в восемнадцатом веке. Витализм предполагает, что некая, всеконтролирующая, неизвестная и непознаваемая мистическая и до-механическая сила ответственна за все процессы жизни. Такое предположение выносит предмет за пределы научного исследования, и, в изложенном нами виде, не поддерживается широко в среде современных мыслителей.

Все сделанные человеком опыты, все явления природы, изучаемые человеком, неизменно приводят к заключению, что жизнь всегда происходит от жизни. Это побудило многих серьезных мыслителей задать вопрос: "Не является ли жизнь столь же старой, как и сама материя, и не переносится ли она с планеты на планету?" Некоторые виды бактерий могут лежать в спячке целые годы и выдерживать низкую температуру в 250 градусов. Арреннус строит предположение, что жизнь переносится с планеты на планету посредством световых волн и оседает и произрастает там, где встречаются подходящие условия. Так как эта гипотеза выносит вопрос из нашей в другие сферы, вне достижения человека, и не удовлетворяет любознательного ума, то сформулированы разные другие теории, которые пробуют определить образование жизни на земле. Во всех них предполагается, что различные перемены в остывающей и реагирующей за-

мле порождали молекул одаренных жизнью. Все эти теории искренни, но спекулятивны, и громко заявляют о нужде в будущем Дарвина с умом, достаточно великим, чтобы обнять всю вселенную и формулировать для человечества плодотворную исходную гипотезу. Пока же, человек принимает решение, что жизнь зарождается только от жизни, и делит вещи на земле на два огромные класса: живые и безжизненные. Первые обладают признаками, которыми не обладают последние: как движение, рост, размножение, дыхание и раздражимость. На изучение этих признаков и обратили свое внимание ученые за последнюю четверть прошлого столетия.

Безжизненная материя проявляет движение. Камень, оторванный от склона горы, катится вниз в долину. Здесь движение зависит от положения. Передвижения амёбы можно уподобить передвижению капли хлороформа в воде на едва затвердевшей поверхности лака. Заметное поверхностное напряжение образуется между хлороформом, водой и сырым слоем лака; вскоре хлороформ и лак начинают смачиваться в каком либо месте, и в этом месте поверхностное напряжение хлороформа понижается, и он пробует раздаться в стороны. Различными переменами в этом методе можно подражать погоне большой амёбы за маленькой, приеме пищи ими и многими другим интересным феноменам жизни. Во всех этих подражаниях, все-таки, надо отметить, что побуждающий фактор приходит извне, между тем как в живых клеточках она исходит изнутри. Последнее проявляется, говоря о животных, в перемене положения на земной поверхности, или же в внутренних движениях протоплазмы в растительных клеточках. Хотя, больше всего, побуждение зависит от осмотических (см. эндоосмос и экзоосмос) перемен, но энергия приходит из пищи, и здесь то определенно устанавливается закон сохранения энергии. Здесь то мы и узнаем, что действительные машины для преобразования энергии не являются делом рук человека, а являются природными живыми клеточками. И, хотя тело человека чудесно, все-таки, ма-

ленький светлячок, которого мы видим порхающим в темные летние вечера, вероятно самое эффективное существующее динамо.

Что касается роста, то и безжизненный материал растет, как известно даже маленькому мальчишке, когда он накатывает снежный шар. Кусок медно - сернистой соли, брошенный в разбавленный раствор калистого железа - кнаниста, вскоре образует коричневую оболочку, из которой вырастают кверху побеги, и через полчаса раствор наполняется фигурами, живо напоминающими по форме и цвету морские водоросли. Вес, получающийся в искусственном растении, может быть в 150 раз больше первоначального куска медно - сернистой соли. Мы знаем, что хрусталь, положенный в воду, растет. Это уподоблялось росту живого организма; но достаточно минутного размывания, чтобы показать, что подобие только поверхностно: хрусталь растет посредством прибавления подобного ему материала, а живая клетка вбирает разнородные вещества и превращает их в особый материал — живую ткань.

Так как рост, рассматриваемый с физиологической точки зрения, состоит из перерабатывания неорганических пищевых продуктов в новые химические сущности, которые составляют организованную протоплазму животного, — то очевидно, что живой организм нуждается в пище. Еще недавно считалось за правило, что пища человека должна содержать углеводы, жиры, протеин и воду. Зола (известь) рассматривалась скорее как нечистота, которую можно терпеть, но которая не была существенной, пока не дознались, что животное на такой диете умирает скорее, нежели другое, получающее только воду. Тогда только признали, что зола является не только строительным материалом, но и регулятором процессов тела; и некоторые даже утверждают, что жизненные проявления функционируют посредством минеральных элементов в большей мере, нежели посредством органических. Сегодня мы знаем, что диета из углеводов, жиров, протеинов, соли и воды не будет поддерживать роста, если в ней не будет по-

буждающего рост витамина "В". Рост буждет непродолжителен и в последнем случае, если к диете не прибавятся еще регулирующие витамины "А", "С" и "Д". Точно такое же имеет значение и род протеинов: в их молекулах должны содержаться и способствующий росту "lysine" (животная кислота) и регулирующий "триптофен" (tryptophane).

Диета может согласоваться со всеми этими требованиями, и, все-таки, может не произвести роста даже в молодом животном, а если и будет рост, то будет неправильным, как показывают случаи исполнства, акромегалии (наростов на костях) и ликсидемы (отеки), когда неправильно функционируют внутренние выделяющие органы.

Результаты, полученные от превращения крысина (идиота) в нормального индивидуума, являются такой же чудесной трансформацией, как и превращение головастика в лягушку. Гудермах сделал значительное открытие, что даже это превращение, которое в нашем климате обычно появляется на третьем или четвертом месяце жизни головастика, может производиться когда угодно даже в самых молодых головастиках посредством кормления их щитовидной железой от каких угодно животных. Пособием кормления очень молодых головастика этим веществом, можно вывести лягушек не больше мухи. Аллен прибавил еще наблюдение, что если молодого головастика лишит его щитовидной железы, то он не может стать лягушкой, а так и останется головастиком, хотя и может долго жить и продолжать расти далеко за обычные размеры головастика. Но коль скоро начать кормить таких уродов головастика тирондином (выделения щитов. жел.), они быстро подвергаются превращению в лягушку. Точно также выделения внутренних органов управляют природой и быстротой роста.

Размер, которого достигает индивидуум, определяется не только наследственностью и пищей, но и деятельностью мокротной железы: ибо, теперь, в опытах над животными, можно производить по желанию гигантов или пигмеев посредством употребления

тетелина ((tethelin). Эти открытия дали в руки диетистов и врачей орудия для борьбы с неправильностью в росте тела или ума, что приписывалось в века мифологии только богам.

В человеке наблюдаются времена быстрого роста, сменяющиеся спокойными периодами. Их всего три по счету. Каждое из них начинается сравнительно медленным ростом, за которым следует период быстрого роста, и заключается завершением круга периодом замедленного роста опять. Говоря о первых двух временах роста, замедление роста в первом круге вскоре останавливается и начинается снова быстрый рост, побуждаемый свежей вспышкой второго круга. Первый круг заканчивается к концу первого года, второй на шестом году, а третий в период возмужалости.

Недавно было показано Робертсоном, что эти циклы роста подчиняются равенству каталитической реакции в химических соединениях молекул.

Третья характеристика живущего — это воспроизведение, которое, наверное, является единственным свойством простейших организмов, — организмов таких маленьких, что их нельзя видеть даже в самые сильные микроскопы.

Хотя морфологические изменения, происходящие в размножении изучаются уже давно, однако только недавно были сделаны успешные попытки к изучению первой ступени воспроизведения — оплодотворения. Опыты Лозба над яйцом морского ежа или лягушки показали, что яички могут быть успешно оплодотворены, если их подвергнуть действию разбавленного раствора маслянистой кислоты, а затем действительно ступенчатой морской воды. Будучи подвергнуто действию этих растворов, неоплодотворенное яичко развивается в взрослое существо с присущими ему материнскими чертами. Это вызвало в публике толки, что жизнь была создана сама по себе, на что ответ ученого был таков: "Нет, жизнь не была создана. Просто был остановлен химический процесс, начало которого связано с зарождением клетки и который, в заключение,

кончается смертью организма.“ В доказательство этого утверждения неоплодотворенная клеточка была подвергнута действию антисептических средств, достаточно сильных для замедления животных процессов, но недостаточно сильных, чтобы убить клеточку,—и даже неоплодотворенная клеточка развивалась в течение некоторого времени. Кроме того, Лозб нашел, что продолжительность жизни многоклеточных, исключив несчастные случаи и болезни, обратно пропорциональна температуре, в которой животные живут. Уменьшите температуру на 10 градусов и продолжительность жизни увеличится вдвое или втрое. Другими словами, живая материя в известных пределах подчиняется закону температуры Ван Гора и Арреннуса.

Если некоторых морских рыб поместить в раствор обыкновенной соли при таком же самом осмотическом давлении как и в морской воде — рыба скоро помрет. Смерть в этом случае не зависит от недостатка пищи, ибо та же самая рыба, помещенная в дистиллированную воду, будет жить некоторое время. Но если бы было прибавлено к пер-

вому раствору небольшое количество кальция - хлорала, то рыба жила-бы. Да кроме того, если вынуть сердце из тела животного и положить его в соляной раствор, — сердце вскоре помрет; но если в растворе будет немного соли кальция, — сердце будет продолжать биться нормально. Все ткани животного в здоровом состоянии омываются в растворе с строго баланспированным составом, но во время болезни состав раствора меняется, и отсюда следует неправильность функций тела и, даже, его смерть. Это играет роль во многих нервных расстройствах. Вероятно, это часто является главным фактором в пляске св. Витта, да и некоторые опухоли имеют свое начало в том же изменении омывающего раствора. Кроме того, это открытие объясняет действие многих обыкновенных слабительных в человеческом организме, ибо они являются возбуждающими осадками кальция и, таким образом, нарушают равновесие в протоплазме. А отсюда: усиленные мускульные сокращения.

(Окончание в следующем номере)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ А. А. КАРЕЛИНЕ

(Начало на 10 странице)

пятствия на пути всякого организатора-анархиста. Он, еще будучи в Париже, в эмигрантской среде в 1913 году создал такую крупную организацию, как “Вольная Община”, которая сделала большую работу по изданию и распространению анархической литературы. Затем, вскоре по возвращении в Россию, он с другими товарищами создает Всероссийскую Федерацию Анархистов и Анархистов - Коммунистов, которая просуществовала с марта 1918 года по октябрь 1925 года и которая в течение этого почти восьмилетнего периода объединяла тысячи анархистов и сотни анархических групп, содействуя пропаганде анархических идей в самых глухих уголках страны. Таким же незаурядным организатором проявил себя А. А. и в деле создания Всероссийского

Черного Креста, существующего и по сей день, ставящего своей задачей помощь заключенным и сосланным анархистам. В этом деле А. А. проявил себя таким бескорыстным человеком, которых не так много на белом свете. Он горел страстью помочь нуждающемуся всем, чем только мог. И не раз, за отсутствием средств в кассе Черного Креста, он помогал товарищам из своего скудного достатка, часто отказывая себе из-за этого в необходимом.

Мои воспоминания пришли к концу. Я думаю, что лучшим памятником А. А. будет продолжение той работы, на осуществление которой он потратил значительную часть своей жизни.

И. ХАРХАРДИН.

Открыта подписка НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся русскими прогрессивными
организациями Северной Америки.

ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В 48
СТРАНИЦ

К УЧАСТИЮ В ЖУРНАЛЕ ПРИГЛАШЕНЫ
ИЗ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ ЛУЧШИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 15 СЕНТОВ

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”
9219 RUSSELL STR., DETROIT, MICH